

ПАВЕЛ ВОЛКОВ

ДЕРЕВО УККАЛ

12+

Длинный список 2020-го года Премии «Электронная буква»

Павел Волков

Дерево уккал

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Волков П. В.

Дерево уккал / П. В. Волков — «ЛитРес: Самиздат»,
2019 — (Длинный список 2020-го года Премии «Электронная
буква»)

Россия конца XVI века. Царь Иван Грозный вместе с отрядом Ермака посылает в Сибирь своего специального агента, чтобы раскрыть тайну исчезновения загадочного множителя, от которого зависит судьба человечества – вступит ли оно в новое время или навсегда останется прозябать в бесчасьи. На страницах книги оживают представления средневекового человека о сибирской земле, а также населявших её реальных и изобретенных людской фантазией существах и народах.

Содержание

Пролог	5
Часть I. За Камень	7
Глава 1. Дело государственной важности	7
Глава 2. У всех свои интересы	16
Глава 3. Между двумя мирами	28
Глава 4. Военные хитрости	34
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Эта книга посвящается моей любимой Валерии, которая придумала уккал и историю с множителем. В таинственной религии друзей уккалы – посвященные, в противоположность джуххалам – неведающим. Когда рождалась история, мы этого еще не знали. И каким неслучайным оказалось случайное совпадение. Спасибо, родная, за целый мир, который появился на свет благодаря тебе.

Баюкает мерная поступь коня, и конь свершает круги; и, неизменно возвращаясь на то же и то же место, всадник не знает об этом, потому что нет сил различить однообразную поверхность болота. И пока ночь мирно свивает и развивает концы своих волос-вервий, – мерно качается и кружится всадник. Глаза его, закинутые вверх, видят на своде небесном одну только большую зеленую звезду. И звезда движется вместе с конем. Оторвав от звезды долгий взор свой, всадник видит молочный туман с фиолетовым просветом. Точно гигантский небывалый цветок – Ночная Фиалка – смотрит в очи ему гигантским круглым взором невесты. И красота в этом взоре, и отчаянье, и счастье, какого никто на земле не знал, ибо узнавший это счастье будет вечно кружить и кружить по болотам от кочки до кочки, в фиолетовом тумане, под большой зеленой звездой.

Самый страшный демон нашептывает нам теперь самые сладкие речи: пусть вечно смотрит сквозь болотный туман прекрасный фиолетовый взор Невесты – Ночной Фиалки. Пусть беззвучно протекает счастье всадника, кружащего на усталом коне по болоту, под большой зеленой звездой.

Да не будет так.

Александр Блок

Пролог

Далеко-далеко, в тех местах, где бледное солнце, едва бросив скудные лучи на песчаное побережье покрытого непролазными лесными чащами острова и не найдя ни одного объекта, которому так уж необходимо тепло небесного светила, словно обидевшись, снова скрывается за дрожащей кромкой горизонта, жили унылые уккалы.

Собственно, так их называли не всегда, да и вообще, долгое время их никак не называли, ведь рядом не было ни единой души, способной дать чему-либо хоть какое-то мало-мальски подходящее название.

Народец тот был ростом невелик и телесами хил, чему всячески способствовал весьма скудный рацион из лесных ягод и трухлявых корешков. Только в короткие летние месяцы унылые уккалы могли порадовать себя деликатесом из червячков и букашек, так наивно и самонадеянно устремлявшихся на поверхность земли, чтобы стать чьим-нибудь обедом. Другие могут сказать: где ж это видано, чтоб северный народ полнился карликами и пигмеями? Да это были великаны исполинского роста, страшные в гневе и буйные в пирах! Но только чушь все это, я уж точно знаю. Если б дело обстояло так, история, которую я намерен рассказать, не произошла бы вовсе.

Так вот, эти самые уккалы были, как бы это сказать, роду не людского. Схожесть они имели скорее с обильно покрытыми шерстью птицами, коих еще можно встретить в любой из трех Индий, где они преспокойно уживаются с гигантскими рыжими муравьями, стерегущими несметные сокровища. Маленькие шерстяные создания были бестолковы безмерно, а безобидны и того паче. Таким образом, жизнь их проходила бы совсем бесцельно и представ-

ляла интерес разве что для высоколобых ученых мужей – исследователей природных явлений, если бы не одно любопытное обстоятельство. У них была машина. И машина эта выбрасывала в воздух все те чувства и эмоции, каковые ежедневно переполняют людей и подвигают их на разные поступки – как созидательные, так и разрушительные: радость и печаль, гнев и милость, вдохновение и зеленая тоска. В общем, не только произведения искусства писались под влиянием этой машины, но и завоевательные походы, разбой и всякого рода бесчинства также творились не без ее вмешательства. Ровно три раза в день уккалы приходили к машине и хаотично переключали рычаги, которыми была полна ее рабочая поверхность. Таким образом, ежели у вас ни с того ни с сего появляется непреодолимый порыв сделать что-то экстраординарное – это маленький безмозглый северный народец передвинул пару рычагов, всего-то. Так мы с вами и живем. Точнее, жили, ибо уже не один месяц прошел с тех пор, как машина не работает. Почему? Уккалы не знают. Они не могут знать. Машина сломалась и вот теперь, как вы сами, вероятно, видите, в мире процветает серость и безликость, не так ли?

Однако поскольку в отличие от чудных существ матушка-природа снизошла наделить разумом другое свое творение, то есть меня, отправляю сие письмо с дополнениями и инструкциями с шустрым гонцом в землю западную, где правит с грозой царь и поп Иван. Ежели не он, так никто на свете белом уж и не постоит за правду великую, не спасет мир наш от наступающего злодейства. Так я разумею.

А что мохнатые зверьки? Им остается только слоняться по родным лесам и уныло завывать в растерянности и скорби об утраченном предназначении: «У-у-у, у-у-у, у-у-у».

Дед

Часть I. За Камень

Глава 1. Дело государственной важности

Суровое солнце Приуралья клонилось к горизонту. Едва уловимый ветерок незримо колыхал сонную траву, баюкая ее перед надвигающейся ночью. Широкое поле, окаймленное с двух сторон хвойным пролеском, пересекал всадник. В этих местах с равной долей вероятности он мог бы оказаться казаком или татаринoм, но отороченный мехом тегиляй, шапка из овчины с высоким околышем и мягкие черкесские сапоги выдавали в нем скорее сына боярского. Булатная сабля на боку да пара немецких пистолетов за широким кушаком, возможно, польского покроя, довершали его облик. Через плечо путник перекинул дорожный мешок из холщового полотна.

На вид мужчине было слегка за тридцать. Поджарая фигура и обветренное лицо не оставляли сомнений касательно его скорее военных, нежели мирных занятий. Светлокожий, кареглазый, с крупными чертами средиземноморского лица, он был похож на южанина, возможно грека. Крайне необычными казались его черные кудри, хаотично разбросанные по челу, а сзади доходившие почти до плеч. Такая стрижка действительно не была характерна для Руси того времени, где в основном обстригали волосы «под горшок». Разве что кто побогаче мог позволить себе стрижку «под скобку» или «в кружок». Пришедшую же не так давно моду бриться наголо царь Иван быстро пресек, полагая в этом низкопоклонство перед Западом. Возможно, незнакомец пребывал в опале либо носил траур. Именно в таких случаях обычно отпускали волосы. Хотя конечно, причины могли оказаться и другими, так как он ко всему прочему, судя по свежей щетине, раньше брил бороду и отпускать ее начал совсем недавно. К слову, к растительности на лице государь тоже относился очень трепетно, даже запретив отпевать безбородых покойников. Но такие столь немаловажные в Москве нюансы здесь, почти на краю мира, мало кого волновали. Не придавал этому значения и боярский сын.

Конь мягко ступал по шелестящей траве, словно возвращаясь с пастбища в родное стойло. На самом деле, родина его была далеко, просто путник не спешил. Ему было, что обдумать...

* * *

Божиею милостию, великий государь, царь и великий князь всея Руси Иван Васильевич восседал на обитом бархатом и богато украшенном резьбой массивном кресле. В помещении, помимо него, царил полумрак. Тесноватые покои с низкими сводами и маленькими окнами лучше всего отражали нынешнее состояние владыки. Он был немолод и явно нездоров. Мучаясь от выведивших его из равновесия постоянных болей в костях, царь пересматривал результаты своей бурной и деятельной жизни, будто нутром чуя недалекую кончину. За дверью стоял караул из детей боярских, ставших верной гвардией после преобразования опричнины в государев двор. Это немного успокаивало мятушуюся душу Ивана IV, склонного, и прямо скажем не беспочвенно, подозревать в измене ближайшее окружение.

1582 год ценой нечеловеческих усилий ставшей малочисленной вследствие чумы, нашествия и всеобщего разорения русской армии, а также искусной дипломатической игры принес долгожданный и выстраданный мир с Речью Посполитой. Суровым январским днем Москва отдала Варшаве все занятые ей ливонские земли. Но отнюдь не потеря лютеранских городков печалила самодержца. Осенью 1581 года шведскими войсками Понтуса Делагарди был взят

балтийский порт Нарва – надежда русского государства на самостоятельное ведение морской торговли, установление прямых экономических связей с западноевропейскими государствами. Этот небольшой городок за годы нахождения в составе России превратился в важный торговый центр, связывающий восточную и западную Европу. Конечно, на такой лакомый кусок позарились и другие балтийские страны. Так Россия оказалась одна против всех.

Биться на два фронта сил уже не оставалось и ради шанса на возвращение выхода к Балтике стоило пойти на уступки. Поэтому, трезво оценив обстановку, Боярская дума решила: «Ливонские бы города, которые за государем, королю поступитися, а помирися б с литовским с Стефаном королем, стать на свейского». Хитроумный ход, благодаря которому в договор не включили завоеванные шведами ливонские земли, Москва планировала использовать в качестве возможности вернуть Нарву без новой войны с Речью Посполитой. Зимним походом «в Свицькую землю за Неву реку» командовал герой битвы при Молодях князь Дмитрий Хворостинин. Однако несмотря на одержанную победу у Лялиц, что возле Яма, русским войскам пришлось отказаться от задуманного из-за восстания Черемисы в Поволжье. Местное население бунтовало против непомерных податей.

Ливонская война, которой, казалось, конца и края нет, длилась добрых четверть века и не могла не подорвать экономику страны. Как следствие, постоянно повышающиеся налоги вынуждали крестьян уходить на казачьи окраины, а оставшиеся уменьшали запашку, так как львиную долю полученного продукта приходилось отдавать на военные нужды. Сельская местность северо-запада Руси стала представлять собой унылое зрелище. Путешествуя из Новгорода в Москву, на протяжении сотен верст можно было лицезреть лишь заброшенные деревни, походившие больше на громадные кладбища. Впечатление только усиливали, изредка появлявшиеся, словно призраки среди развалин, живые люди. Кроме того, в условиях нехватки крестьянских рук, дворяне, боеспособность которых напрямую зависела от качества обработки их земель, все чаще нарушали данное еще Иваном III право выхода в Юрьев день.

Царившая повсюду картина апокалипсиса усиливала эсхатологические настроения крайне религиозного монарха, посвятившего жизнь подготовке страны к последней битве с воинством антихриста. Вероятно, именно данные воззрения сформировали виденье государем функции опричнины, как наказания зла в последние дни перед Страшным Судом.

Правда ужасные кары кровавого тирана обрушались на головы невинных все больше на страницах небылиц немецких и ливонских авантюристов вроде Генриха Штадена, Иоганна Таубе или Элерта Крузе. Львиную долю пострадавших за все годы борьбы с изменой составили представители высших сословий, суровой участью которых уставший от непомерного феодального гнета народ едва ли был опечален. Тем более что многие уличенные в крамоле бояре и удельные князья были прощаемы под крестные целовальные клятвы, а затем как ни в чем не бывало возвращались к старому, становясь не только многократными изменниками, но и клятвопреступниками.

Тем не менее с помощью опричнины царю хоть и на время, но все же удалось разрушить не отвечающее вызовам современности старое родовое боярское землевладение. Родовые вотчины сменились поместьями, получаемыми исключительно за службу. Не зря он писал перебежчику Курбскому:

«Когда же мы находим доброжелателей, полагающих за нас душу искренно, а не лживо, которые служат честно и не забывают порученной службы, то мы награждаем их великим жалованьем; тот же, который, как я сказал, противится, заслуживает казни за свою вину. А как в других странах сам увидишь, как там карают злодеев – не по-здешнему! Это вы, по своему злобесному нраву, решили любить изменников; а в других странах изменников не любят и казнят их и тем укрепляют власть свою».

Но люди везде люди, со своими страстями и слабостями. И когда «злодеев» стали разыскивать с чрезмерным рвением, к весне 1582 года Иван Грозный был вынужден издать указ о наказании за ложные доносы: «А назовет кто кого вором, а смертного убийства или крамолы, или мятежа на царя государя не доведет, ино того самого казнити смертию».

Европейское дворянство ужасалось московским порядкам, черпая информацию о них в основном из тенденциозных и малообъективных трудов, не слишком вспоминая о том, как разбирались со своими реальными и мнимыми противниками венценосные «братья» Ивана Васильевича. Бушевавшие в то время в Европе религиозные войны превращали массовые убийства из эксцессов в будничные события. Узнав о трагической участи нескольких тысяч гугенотов во время Варфоломеевской ночи в Париже, Грозный назвал действия короля-католика Карла IX преступными и пожалел убиенных. Правда, гугеноты тоже вели себя, мягко говоря, не по-христиански, например, вырезав на день архангела Михаила в Ниме несколько десятков католических священников и монахов. Да что говорить, не так давно зверствовал в Нидерландах герцог Альба, не так давно Генрих VIII английский вешал согнанных с земли крестьян за бродяжничество, не так давно император, папа и князья топили в крови восстание Томаса Мюнцера.

Что ж, вся мрачная атмосфера позднего средневековья была просто пропитана насилием и пренебрежением к жизни и достоинству человека. Так железом и кровью в Европе зарождался капитализм. Иван Грозный был сыном своего времени, не самым кровавым, не самым жестоким, да и не самым грозным, пожалуй.

Таким образом, уверенность царя в скором светопреставлении подпитывали события не только в Отечестве, но и в остальном христианском мире в целом. Это, однако, не мешало Ивану Грозному активно заниматься вполне земными делами, тем более что конфликт со шведами был далек от окончательной развязки, да и ситуация с южными рубежами требовала решительных действий.

Самодержец всея Руси был высок, внешне крепок и имел весьма благообразную, в какой-то мере, даже привлекательную внешность. Стриженная «под скобу» голова с высоким лбом, греческий, слегка крючковатый, нос Палеологов, доставшийся ему от бабки Софьи, а также пышная рыжеватая с черным оттенком борода составляли облик царя. Нельзя было не отметить его большие серые глаза, которые никогда не находились в покое, но постоянно бегали, подозрительно наблюдая за всем, происходящим вокруг.

Чрезмерная бдительность позволила Грозному услышать шаги снаружи прежде, чем раздался негромкий стук. Царь даже не поменял позу, так как совершенно точно знал, кто стоит за дверью.

* * *

Впереди, на берегу реки, уже маячили деревянные крыши строгановской слободы – Орел-городок на Каме, где места пустые, леса черные, речки и озера дикие. Торговый дом Строгановых разбогател во времена опричнины. Русские купцы, по примеру своих протестантских собратьев в Европе, не рядились в богатые одежды, но при этом хранили в своих сундуках несметные сокровища, которые поступали им в руки от хлебной и пушной торговли, но главное – от соляных промыслов. За обещание отыскать на Урале залежи соли и драгоценных металлов царь дал Строгановым привилегии, доступные разве что удельным князьям. В жалованной ей в Прикамье землях, равных по площади небольшому европейскому государству, купеческая семья сожгла лес под пашню, собрала крестьян и даже подняла четыре города с гарнизонами. Все шло замечательно, пока действовала двадцатилетняя налоговая льгота, но как только в 1579 году строгановские поселения были обложены податями, особенно крупными из-за военных расходов государства, в делах начались проблемы. Сначала закрылась добрая половина соляных варниц. Пытаясь возместить финансовые потери, Строгановы стали в открытую гра-

бить местные племена манси и в ответ получили восстание, которое поставило под сомнение существование всего промысла целиком. За восстанием последовал набег пелымского князя из-за Урала, а затем чувовские города стал жечь сын сибирского хана Алей. Назревала катастрофа. Пылало все, кроме окрестностей Орла-городка, по которым и двигался одинокий всадник.

Производить набор казаков для обороны и подавления восстания царь запретил – они были нужны на западных рубежах, но к концу зимы 1581 года было дано разрешение собрать «охочих людей», коих появилось великое множество особенно после заключения перемирия с Речью Посполитой. Потому, нынче в слободке собралась всякого народа тьма. Казаки служилые, казаки воровские, коих царь Иван Васильевич грозился в любую минуту вздернуть на Спасской площади за разбойные нападения на купцов, но в действительности не слишком спешил это делать, местные охотники, следопыты и даже татары.

– Удивительно веротерпим царь московский, – думалось путнику. – К иноверцам как к равным относится, даже чины государственные дает. Обидно как-то. Хотя тут у нас такие бояре православные встречаются, что хуже нехристей. Так что, пожалуй, царю видней.

Нельзя, конечно, не отметить, что данная веротерпимость делала тогдашнее русское государство одним из самых уютных мест для жизни в Европе XVI века, даже, несмотря на все тяготы непрекращающихся войн. Путешественник прекрасно знал о беспощадной религиозной бойне, которая сотрясала весь западный мир, втапывая в грязь крохотные ростки гуманности, робко проклюнувшиеся на трухлявом пне рассыпающегося феодализма. Набиравшие силу торговые и ремесленные города требовали от старой земельной аристократии поделиться властью и искали для этого идеологические основания. Нашел их некий доктор теологии и монах августинианец, который почти семьдесят лет назад прибил на двери Замковой церкви в Виттенберге девяносто пять тезисов, критикующих продажу индульгенций и другие безобразия в католической церкви. Через три года он был отлучен, через девять лет его поддержала часть князей и городов Священной Римской империи, а еще через некоторое время император объявил войну князьям-протестантам, открыв тем самым столетие кровавой междоусобицы в Центральной Европе.

Новое время и его идеи не обошли и православную Русь, но вследствие необходимости централизации для отражения татарских набегов, собирания потерянных в XIII веке русских земель, а также при отсутствии Магдебургского права, воплотились там специфическим образом. По крайней мере, ничего худшего, чем падение только-только собравшегося русского государства в религиозные войны, царь Иван, назвав свою власть духовной наследницей Второго Рима, представить себе не мог. А поскольку веротерпимость оказалась еще и сильным политическим фактором, ей придавали огромное значение. И даже требование православных иерархов принудительно крестить в православную веру переселенных во Владимир, Кострому, Нижний Новгород и Углич «прескверных люторов» из Ливонии Грозный оставил без внимания.

Итак, родившись в Москве, а точнее, в слободе, что у церкви Николы на Ямах, странник по происхождению был греком – потомком одного из тех византийцев, которые прибыли из Италии вместе с бежавшей из захваченного турками Константинополя принцессой Софьей Палеолог.

Орел-городок, к воротам которого подъехал незнакомец, походил на острог, срубленные тридцатисаженные стены которого были покрыты глиной и камнем. На глухих башнях, возвышавшихся по бокам города, виднелись жерла пушек, изготовленных здесь же, на строгановском литейном дворе. Ворота слободы оказались еще открыты, однако в них, с пищалями наперевес, маячили двое здоровенных детинушек отнюдь не дружелюбного вида.

– Эй, лихо тебя на ночь глядя несет! А ну, говори, кто такой?!

– Из Москвы, – процедил сквозь зубы грек. – Веди к атаману. Дело есть.

Его негромкий голос прозвучал столь властно и уверенно, что один из холопов, скривив недовольную физиономию, буркнул:

– Все в кабаке. Победу над Алеем празднуют. Сам найдешь, а вздумаешь буяннить...

Путешественник не дослушал и направил коня мимо незадачливой охраны вглубь городка. До центра, где возвышалась церковь с колокольной и стояли купеческие хоромы с различными хозяйственными постройками, он не доехал, остановившись у низкой избы, откуда доносился шум, хохот и звон кружек. Грек спешился и толкнул дверь. В лицо пахнуло теплом, запахом жареного мяса и водочным перегаром. На секунду сморщившись от резкого перепада – на улице благоухало степное разнотравье, он сделал шаг вперед и осмотрелся. Все скамьи были заполнены разношерстной гудящей толпой. В центре, чернобородый и кудрявый, восседал могучий плосколицый казак на вид лет сорока пяти. Такие крепкие мужики рождались лишь в суровом Поморье, на холодной Двине. Он тяжело взирал из-под нависших бровей и казался в этом пьяном вертепе настолько же неуместным, насколько неуместен ксендз в Успенском соборе. Именно к нему и направился грек.

– Будь здоров, атаман! – воскликнул он так громко, как только мог.

– И ты будь здоров, мил человек, – слегка подавшись вперед, молвил тот.

В кабаке воцарилась тишина.

– Что ж вы, и за стол странника с дороги не пустите?

– А ты кто таков будешь? – слышалось из-за дальнего края стола.

– Аль мы нехристи какие! – отрезал атаман. – Садись, ешь-пей, победу нашу празднуй да какое дело у тебя к нам сказывай.

Путник отстегнул саблю, переступил через лавку и сел. Сумка на перевязи слегка мешала, потому он снял ее и поставил в ноги. Откусив изрядный кусок мяса, но, не притронувшись к предложенному крепкому питию, незнакомец начал.

– Звать меня Григорием Никифоровым. Сотник в полку воеводы Хворостинина, слышали о таком, небось? А прибыл к тебе, атаман, и к вам, уважаемое товарищество, из Москвы с бумагой от царя и вижу, очень вовремя.

Глаза отдельных субъектов за столом нервно забегали, пошел шепоток. Но Ермак, а это был именно он, сохранял каменное спокойствие.

– Славного воеводу Дмитрия Ивановича знаем, – глотнув из чарки, кивнул атаман, – под Оршей встречались, да и не только, пожалуй. И что же это за бумага такая?

– Помилование, – пристально посмотрел на него грек.

Казачи слегка притихли, с трудом соображая, в чем дело. Ермак отставил кружку в сторону.

– Мне-то оно зачем, помилование? Аль провинился я в чем перед царем-батюшкой? Не под Могилевом ли и не под Смоленском кровь свою за него давеча проливал? Может тебе, Ваня, надо? Или тебе, Никита? – обернулся он к сотрапезникам. – Видишь, никому не интересно.

– Та почэкай ты, Ярэма, – прервал его один из тех, кому адресовался вопрос, по всей видимости Никита. – Хай кажэ, шо там у тому бисовому помылуванни.

Ермак с безразличным видом пожал плечами. Тогда Григорий Никифоров, сын боярский, все так же посматривая исподлобья на сидящих за столом, пояснил:

– Мне поручено дело государственной важности, для исполнения которого требуется дюжина сильных, ловких и умелых добровольцев. Присоединившиеся ко мне, получают полное прощение за то, что, – грек развернул грамоту, – ссорили нас с Ногайской ордою, послов ногайских на Волге на перевозах побивали, и ордобазарцев грабили и побивали, и нашим людям многие грабежи и убытки чинили. Так что решайте. И решать советую поскорее, второго такого щедрого предложения может не последовать.

– Дило-то якэ? – подался вперед заинтересовавшийся Никита. – Цэ ж нам трэба знаты. Сам розумиешь, дила бувають такі, шо краще одразу на шыбэныцю. А до царської шыбэныци звидсила далэчэнько, визьмы ще дожэны тут когось с циею шыбэныцей.

– Догонят, не боись. С бунтом на Волге как управятся, так сразу и сюда порядки наводить двинутся – сибирцев отделают, а там и про воровских обязательно вспомнят. Вот грамота с помилованием и пригодится. Дело же у меня тайное, разглашать каждому встречному да поперечному не стану. Скажу только, что идти надо далеко за Камень, туда, куда русский человек, а может и никакой человек еще не ступал.

Григорий очень удивился, когда после его слов Ермак, схватившись за живот, ни с того ни с сего разразился громогласным хохотом. Сурового атамана трясло так, что он чуть было не свалился с лавки. Что-то сообразив, скалить зубы начали и остальные казаки.

– Разве я похож на скомороха? – грек вперила во все еще отфыркивающегося Ермака острый, как осиное жало, взгляд.

– В том-то и дело, что не похож, а насмешил все же знатно. Впрочем, довольно, – атаман потянулся за водкой, чтобы заново наполнить расплескавшуюся кружку. – Не время нынче о делах. Все пьют, и ты пей. Отдохни, в общем, с дороги. А утром и потолкуем. Утро вечера мудреней.

Непонимание на лице грека сменилось гневом.

– Ты, кажется, не понял, атаман. У меня с собой бумага с личной печатью государя. Так что, если сказано набирать охочих людей за Камень, значит, они будут набраны. Потому не налегал бы ты, уважаемый, на оковитую, да казачков не спаивал. Пьяная ватага против татар не стоит ни гроша. Пьяница – живой мертвец, низложен без меча и убит без врагов. Магометане капли в рот не берут, потому и дерутся как львы. Да и на сообразительность, я смотрю, у вас зелено-вино повлияло слегка.

– Ого, да ты сам, небось, татарин, а не хрестьянин! Слыхал такое – не пьют только на небеси, а на Святой Руси – кому не поднеси?

За столом снова грянул дружный хохот. Кто-то, из не в меру разошедшихся, заорал:

– Наш отец Демьян и в великую пятницу пьян! – что вызвало очередной приступ громогласного смеха.

– Мразь, – подумал Григорий, но вслух не сказал. Он только мельком взглянул на свой мешок и снова перевел взор на атамана. – Вы, казаки, все за вольности ратуете и государя поносите почем зря, а сами в царевом кабаке водку хлещете да его же казну тем самым наполняете. Странные люди, ей-богу. Как еретики латиняне себя ведете – это у них десяток кабаков на одну улицу.

– Ну, ты брат, загнул, – удивился Ермак. – Мы в Бога в нашего православного веруем, – тут он перекрестился, а за ним и весь стол. – Не знаю, чего вы там в Москве успели выдумать, да только тут у нас на краю света без доброй самогонки никак.

Кто-то рядом опрокинул в себя полную кружку, занюхал рукавом кафтана и издал из утробы столь отвратительный звук, что из последних сил сохранявший выдержку Григорий сжал кулаки так, что костяшки на пальцах аж побелели.

– Да не кипятись ты так, – примирительно начал атаман, – этих самых магометан, которые, как ты говоришь, капли в рот не берут, давеча побили мы изрядно, так что можем и отпраздновать. Кабы не мы, так и тут было б то же, что в Соли Камской – город Алей бы спалил, а народ вырезал. А так видишь, все цело-целехонько. Вот и не лезь в бочку, а радуйся вместе с нами. Добро? Ну на том и порешили. Только, понимаешь, не хватает душе чего-то. Вино пили, песни пели... а, ну да, какой же праздник без хорошей драки?

Ермак встал, разминая кулачищи, каждый размером с кувалду. В кабаке снова воцарилась тишина. Встал и грек. Будучи и сам не мелкого телосложения, рядом с огромным казаком, он казался просто карликом, пародией на человека.

– Так что, сдюжишь ли пьяного казака? Не опозоришься?

Может Ермак надеялся, что у Григория задрожат поджилки, но тот выглядел весьма уверенно или мастерски не подавал виду, что волнуется. Внезапно грек ощутил чью-то тяжелую руку на своем плече. Резкий поворот. Пред ним стоял, слегка покачиваясь, жилистый казак с массивным золотым кольцом в ухе.

– Ты, Ерема, слишком церемонишься, – с трудом выговорил он сложное слово заплетающимся языком. – Слушай, – обратился пьяный малый уже к Григорию, – что-то морда твоя мне больно знакома.

Казак подался назад, и, так же покачиваясь, стал пристально разглядывать грека, отчаянно пытаясь сфокусировать мутный взгляд. Вдруг его глаза превратились в блюдца.

– Узнал я тебя, пес! – стал он тыкать пальцем прямо в грека. – Это ведь ты, скобленное рыло, нас с Барбошей схватить и под суд отдать пытался! И за что? За то, что мы ногайцев побили, южные границы от набега уберегли? Вот она, царева благодарность!

Несмотря на то что казак был мертвецки пьян, он выхватил неизвестно откуда взявшуюся саблю и бросился на Григория. Тот, однако, успел одним движением отодвинуть свой мешок глубже под стол, а другим, ловко подхватив незадачливого буяна, отправить его напрямиком на кувшины с горячительными напитками, коих на столе было превеликое множество. Раздался звон бьющейся посуды. Казак замер на столе в луже, так любимой им, огненной жидкости. Видимо, ударился головой и потерял сознание.

– М-да, – только и процедил Ермак, – и действительно, пьяного побил. Все, завтра потолкуем. Нынче охоты нет.

Он оценивающе посмотрел на причиненный ущерб и неодобрительно покачал головой:

– Уберите, наконец, Ивана со стола да спать отведите.

После этого он преспокойно вернулся на свое место и продолжил возлияния.

– Здесь бытие – лишь питье, – глубокомысленно подытожил грек, и, перекинув драгоценную сумку через плечо, вышел в ночную прохладу.

* * *

На пороге покоев Ивана Грозного показалась статная фигура среднего роста в затканых золотом и серебром боярских одеждах. Нагнувшись, чтобы не удариться о низкую прилодку, человек шагнул вперед и, сняв горлатную соболью шапку, земно поклонился. После этого головной убор вернулся на свое место.

– Заходи, Борис, – промолвил царь. – Заждался уж.

Годунов выпрямился. Он был красив. Притягательная внешность наряду с красноречием, хитростью и ненасытным, как утверждали многие, властолюбием сделали его особо приближенным к Ивану Грозному лицом. Государь, как известно, был невероятно привязчивым и принимал мало решений, не посоветовавшись со своими фаворитами, одним из которых в последние годы и стал Борис Годунов. Карьера Бориса сложилась фантастически – от незнатного вяземского помещика в опричный корпус, затем благодаря дяде, служившего царским постельничим, стал дружкой на свадьбе Ивана Грозного с Марфой Собакиной, женился на дочери небезызвестного думного боярина Скуратова-Бельского по прозвищу Малюта, затем три года в должности кравчего следил за столом и здоровьем царя, выдал свою сестру Ирину замуж за царевича Федора и наконец получил долгожданный боярский титул.

– Государь, человек, которого ты наказал разыскать, прибыл. Рекомендован славным воеводой твоим князем Дмитрием Ивановичем Хворостининым.

– Так чего ждешь? Пускай его.

Годунов сделал жест рукой и в царских покоях с тем же земным поклоном появился еще один человек. Ростом он был выше боярина, но не так прекрасен лицом, хотя женщины, пожа-

луй, предпочли бы его мужественную красоту благообразию знатного вельможи. Внимание царя не могли не привлечь его длинные, как у священника, волосы и отсутствие общепринятой бороды.

На лице монарха выразилось неудовольствие внешним видом вошедшего.

– Как звать тебя и отчего волосы не стрижешь и бороду не носишь?

– Царю-государю и великому князю челом бью! – тон голоса незнакомца был уважительным, но уверенным. – Зовут меня Григорием Никифоровым, родом из греческой слободы, несу службу конного сотника у воеводы Хворостинина. А вид имею такой, ибо благодаря происхождению языками владею, потому по приказу воеводы ходил с различными поручениями на вражескую территорию, своим притворился.

Неудовольство на лице Грозного сменилось на заинтересованность.

– Ага, ну ясно, что Дмитрий Иванович дурного не посоветует. Такой удалец, способный незаметно проникнуть во вражье логово, нынче мне и нужен. Так чем все-таки ты отличился, Григорий, Никифоров сын?

– Негоже самому хвалиться, – произнес Годунов, стоя за спинкой царского кресла. – Дай я поведаю лучше.

Грозный одобрительно кивнул. Борис обошел царя и стал рядом с Григорием.

– Сей доблестный сын боярский десять лет тому назад сражался в передовом полку на Молодах. Затем, исправно служил в заставах на Оке, отражал набеги басурман. Бил с князем Хворостининым литовцев под Могилевым и шведов под Лялицами. Ну и совсем недавно выполнял деликатное поручение, связанное с волжскими казаками, ограбившими ногайское посольство. Правда, как ты, государь, знаешь, поручение пришлось отменить, ибо обстоятельства в этом деле несколько изменились...

– Знаю, что изменились, потому мы здесь и толкуем нынче. А что, правду Годунов говорит? – Грозный обратился к греку. – По глазам вижу – правду. Поместье-то большое имеешь? На прокорм хватает?

– Мне много не надо, государь. Счастлив тот, у кого совесть спокойна, а богатством в Рай не взойдешь!

Царь грустно улыбнулся, покачав головой.

– Слыхал, Борис? Вот кого бы в думу. А так, одно ворье в лисицах да соболях! И попы с монахами все туда же! Известно же как должно быть, свет инокам – ангелы, а свет мирянам – иноки. А на деле что? Бояре принимают постриг и своими пороками разрушают порядок в монастырях. Волоса они-то отрезают, вот только от мирских суетных мыслей избавиться не могут. Обновленная жизнь – где уж там, если боярин не состригает боярства, а холоп не избавляется от холопства! Может они решили, что и в царствии небесном так будет: кто здесь богат, тот и там богат, кто здесь силен, тот и там силен? Ну так это Магомет говорил, а не Христос. Во Христе нет ни эллина, ни скифа, ни раба, ни свободного. Коли люди равны, тут и братство. А какое братство, ежели любая мирская слава сохранится в монашестве, и кто был велик в бельцах, останется велик и в чернецах? Эх, дашь ведь волю царю – надо и псарю. Разобраться бы с ними со всеми, но боюсь не успею. Сил нет уже, закончились силы у меня.

Боярин отвел глаза и сделал шаг назад.

– Да, – вздохнул монарх, – великое благо – ничего не иметь и ничего не терять. Я ведь когда-то постриг принять готов был, оставить мирское и посвятить себя молитве. Да только как уйти? Прахом все пойдет! Иван, сын мой и соправитель, помер. Одиннадцать дней целых в слободе Александровской мучился, бедолага. Не иначе, извели изменники. Им ведь того и надо, чтоб род мой прервался. Тогда как черти на престол полезут. Федор умом слаб, Дмитрий болен. Что дальше-то будет? Мстиславские али Шуйские власть возьмут? Или может поляки на трон русский позарятся? Впрочем, результат един: разорвут Русь в ключья, все отдадут, все

разграбят, собаки, и сами сгинут. А швед да поляк только радоваться будут, что Россию свои же сгубили.

– Приказывай, государь! – глаза Григория горели в экзальтации. – Приказывай! Не все кругом предатели! Найдутся еще верные люди!

– Что, грек? Истинно ли Русь Святая – Родина твоя? Истинно ль за правду и веру православную живота отдать готов? – царь привстал на кресле, хоть это и далось ему с трудом.

Григорий перекрестился и рухнул на колени, а Грозный довольно закивал:

– Вот ведь говорили: «Нет людей на Руси, некому обороняться», – а нынче нет тех, кто говорил, так-то. Смерть и погубление, которые от нас требует Бог, не в уничтожении существования нашего, – а в уничтожении самолюбия. Самолюбие есть та греховная страсть, которая составляется из полноты всех прочих страстей. Вижу, нет в тебе этой пагубной страсти, а потому верю. Рим второй ты потерял, Рим же третий здесь обретешь! И да будет меч твой словом Божиим, а шлем – надеждой! Теперь, сядьте вы оба, а ты, Борис, сказывай по существу про дело наше. Времени нынче мало осталось.

Глава 2. У всех свои интересы

Едва пробудившись от ночной неги, средиземноморское солнце озарило купола Святой Софии, и они засверкали богатством золотых переливов, возвещая приход нового дня. О, Константинополь! О, непобедимый ромейский флот, что горделиво входил в бухту Золотой Рог, когда опускалась защитная цепь, перекрывающая выход в Босфор. Соборы и монастыри, дворцы и акрополи, форумы и ипподромы – истинное величие второго Рима, могучего и неприступного. А над этим величием – высшая сила, высшая правда – крест истинной веры. Сколько осад выдержали жители города благодаря отваге, которую вселял он в их сердца! Тысячу лет враги отступали перед могучей и дисциплинированной армией греков.

Но вот тучи понеслись из Пропонтиды. Дрогнули стены, запылали дворцы. Улицы сотрясла тяжелая поступь янычар и башибузуков. А на фоне пожаров агонизирующего города, словно рога сатаны в час апокалипсиса, отчетливо проступил перевернутый кверху полумесяц...

Григорий открыл глаза. Рассвет забрезжил над Орлом-городком. Где-то во дворе надрылся петух. Смахнув капли пота с лица, грек сел на кровати. Видение гибели Константинополя было настолько живым, что грек, родившийся в Москве через сотню лет после того страшного дня, почувствовал себя одним из тех смельчаков, что до последней капли крови сражались с турками у колонны Константина Великого. Его предки были там.

Сбрасывая с себя остатки ночного кошмара, он хорошенько протер глаза и встал. В горнице было уже светло. Деревянные половицы уютно поскрипывали под босыми ногами, пока Григорий искал сапоги, чтобы обуться. Потянувшись и зевнув, он подошел к распахнутому окну. С улицы тянуло запахами степного разнотравья. Грек набрал полные легкие сладкого воздуха и громко выдохнул, радуясь прекрасному утру.

И все-таки, идилию что-то нарушало, и этим чем-то было мерзкое шуршание под кроватью. Сумка! В один прыжок Григорий оказался у кровати, и еще одно движение потребовалось, чтобы лечь на пол. Из полумрака, не мигая, на него смотрели огромные желто-зеленые глазищи с вертикальными зрачками. Несколько секунд две пары глаз сверлили друг друга в безмолвном противоборстве. Сбросив, наконец, странное оцепенение, грек резко запустил обе руки под кровать. Раздался премерзкий вопль и острые, как стальные лезвия, когти впились в незащищенную кожу руки. Стиснув зубы от боли, Григорий сжал пальцы и потянул на себя.

Занятый возней под кроватью, он не мог заметить, как распахнулась дверь и в горницу бесцеремонно ввалились Ермак и казак с серьгой в ухе, которым грек давеча чуть не сломал стол в кабаке. Григорий вскочил на ноги, сжимая в одной руке свой драгоценный мешок, а в другой – разорванной в клочья – нечто черное, орущее и трепыхающееся. В таком состоянии он столкнулся с вошедшими казаками. Повисла неловкая пауза. Казаки недоуменно переглянулись и тут же разразились гомерическим хохотом.

Самое время было посмотреть на правую руку. Грек медленно перевел взгляд. В руке, вроде бы смирившись со своей долей, висел огромный черный котяра.

– Да это ж кот Рагодина, мужика кабацкого, – улыбаясь во все тридцать два зуба, отметил Ермак. – Тебе чего от животинки надобно, мил человек?

От животинки проку, и правда, было мало. Посему, Григорий разжал окровавленные пальцы и зверь, с глухим стуком шмякнувшись о половицы, громко топая, неуклюже побегал к выходу. За дверью послышался обиженный «мяу».

Григорий вопросительно посмотрел на казаков.

– Что ж ты, и войти не предложишь? – так же нескладно улыбаясь, спросил Ермак.

– Так вы, поди, не за дверью стоите, – буркнул грек, шаря глазами по горнице в поисках того, чем можно было бы перевязать разодранную руку.

– И то правда, – носком телячьего сапога атаман придвинул к себе лавку и уселся.

Казак с серьгой устроился рядом. Выглядел он после вчерашнего достаточно свежим и отдохнувшим. Видимо, к подобным поворотам событий его организм был привычен.

– Давай-ка, брат, сразу к делу, – предложил Ермак. – Вчерашнее забудем. Было, да быльем поросло. Иван вот не серчает. Сам ведь неправ, погорячился.

– Погорячился, под хмелем был. Я ж понимаю – приказ есть приказ. Только все равно не по-людски это.

– По-людски, Ваня, по-людски, коль уже не кривить душой, – атаман положил ему на плечо тяжеленную лапищу. – Сарайчик разгромил, ногайцев успокоил – честь тебе и хвала. Но зачем на посольство нападать надо было? Думал, царь за это по голове погладит? Разве что обухом.

– Обухом маловато будет, – Григорий уже сидел на кровати, перематывая руку какой-то тряпкой. – Мир с ногайцами нужен был, как воздух. Затем послы и ехали. Из-за вашей выходки дурацкой чуть переговоры не сорвались.

– Да, знаю все это, – обиженно отмахнулся Иван Кольцо. – Басурмане чертовы. То их бей, то не бей... И как надо понимать ситуацию, когда от нас сначала требуют взять Сарайчик, а затем отписываются в орду, что мол это не наш приказ, это все беглые воровать приходили? Разорвись надвое – скажут: а что не начетверо? Ну да, высокая политика, ясно дело, только нам с товарищами от этого не легче. Да и ногайцы по факту на замирение плевать хотели – хан Урус одной рукой послов шлет, а другой отряды грабежи учинять. Ну так мы с Барбошей и Никитой Паном этих ловкачей подстерегли и немного того... Плохого-то что сделали? Языка даже взяли и в Москву доставили. Но что же, не делай людям добра – не увидишь от них лиха. Татарина того освободили, а казаку нашему отрубили голову прямо перед глазами ухмыляющегося ногайца. Как тебе такое?

– Казака жалко, ты уж не делай из меня зверюгу какую-то, – ответил грек, продолжая заниматься пострадавшей рукой. – И в жертву его, да и других таких же, принесли не от люто-сти и гнусности, а от безысходности. Как мы могли воевать с татарами в момент, когда шведы взяли Нарву, Ям и Копорье, а поляки стояли под Псковом? И то, государь наш потребовал и от Уруса, чтобы тот казнил свих воров, которые ходили грабить Русь.

– Ага, и меня заодно с ними. Промышлять государь поручил атамана Ивана Кольцо, а как изловят, так и повесить. Выходит, казак и татарин уже все одно? Ну да это ты лучше меня знаешь, как оно было, так ведь?

– Вот грамота тебе и пригодится, – Григорий, заканчивая перевязывать руку, сделал вид, будто не обратил внимания на последний комментарий казака. – А помимо государева прощения, еще и добром наверняка разживешься. Подумай о перспективе. И еще уразумей одну простую истину – хочешь-не-хочешь, а с татарами бок о бок как-то придется жить. Казань и Астрахань взяли, так они теперь наши соотечественники. А вот с западным соседом дела обстоят чуть сложнее. Я, если хочешь знать, всю жизнь, что себя помню только и воюю. Под Москвой, на Оке, в Ливонии. С тобой, кстати, Ермак Тимофеевич, в двух походах пересекались, хоть ты, наверное, и не помнишь – рейд по Днепру из Смоленска и обратно, а позже село Лялицы, что в Водской пятине. Знатно мы тогда шведам задали, долго еще помнить будут. Так вот, насмотрелся я знатно и на латинян, и на люторов. С первого взгляда вроде люди как люди, да они люди и есть конечно. Вот только случилось с ними что-то будто бы. Вроде во Христа верят, а на деле черт знает в кого. Но что мне особенно не дает покоя, так это их новшества в ведении боя. Нет, у поляков ничего особенного, но шведы..., казалось бы, исповедуют ересь, а глянь как в войске все устроили. Они больше не собирают лишь дворянское ополчение, но призывают рекрутов и платят им жалование на постоянной основе. Ты понимаешь, на постоянной! Это ж надо и денег кучу иметь, и возможность выдернуть крестьян с полей. Попробуй мы такое проверить, мигом от голода перемрем. А у них и линейная тактика, и маршевые колонны, и

артиллерия. Говорят, шведский король такое не сам придумал, а подглядел во Фландрии, где нынче стрельцы не занимаются промыслами, а постоянно на жалованьи и постоянно упражняются в стрельбе и ходьбе. Да так упражняются, что им теперь и испанские терции нипочем.

– А что наш-то государь не подсмотрит, коли так у них все ладно выходит? – поинтересовался Ермак.

– Так я ж говорю, во-первых, еретики. Что у них вообще хорошего может быть? Ну а во-вторых, чем такое войско обеспечить? У нас дворянская конница с поместий живет, а стрельцам только во время походов платят – нечем платить. А чтоб было чем, надо мануфактуры ставить, опять же крестьян с полей выдергивать для работы на мануфактурах. Только как выдернуть, непонятно, ведь народу тяглогового и так немного было, а из-за войны и вовсе... И землю нашу с Фландрией не сравнить ни по размерам, ни по плодородию. Ясно, что на крошечной территории, где куча народу и куча еды все делается проще и быстрее. На Руси не так. Плюс руда нужна конечно. В общем, много у нас причин за Камень пойти. Отложим на потом, быть беде. В Ливонии вон как по итогу нехорошо вышло, а будет еще хуже. Так что оставшиеся у нас под боком ханства – проблема второстепенная. Если бы они еще под турка не пошли, тогда б вообще...

– Если бы да кабы, – промолвил Ермак. – Чудной ты все-таки человек. Заумные вещи всякие рассказал, про люторов всяких, про шведского короля. Сколько всего, чтоб убедить нас с тобой за Камень идти. А ты не заметил, как мы еще вчера посмеялись над указом? Думаешь просто так позубоскалить захотелось, повода другого не нашли? Знаешь почему атаманы с Яика сюда на Каму за мной пошли?

– Догадаться не сложно – зажали вас. С одной стороны, восставшая черемиса, с другой царское войско. А тут вроде как и вольница, а вроде и державе польза. Хорошо придумал, чего уж.

– Ну вот, это потому что я умный – Ермак самодовольно заулыбался сквозь бороду. – И Иван с остальными в отличие от Барбоши тоже мозгами пораскинули, интерес свой увидели, перспективу, так сказать. Строгановы скупы, конечно, до безобразия, да и дела у них пошли не очень, но пока сабельки у нас при себе, причитающееся как-то уж получим. Так что в целом мы неплохо устроились и лезть к самому черту на рога маленьким отрядом... Земли за Камнем совсем неизвестные, странные. Говорят, православному человеку делать там нечего. Сгинуть можно без следа.

– Без следа можно сгинуть и здесь у нас, особенно если царские приказы не выполнять. Бывали случаи, – голос Григория стал жестким и холодным. – Не дури, атаман, а давай ближе к делу. Чего сказать-то хочешь?

– Ты стражай кого-то другого, а я не боюсь ни царя Ивана, ни хана Кучума, ни самого султана турецкого. Затея похода неплохая и своевременная. Пока Алей к северу отсюда с ордой гуляет, а у Кучума сил с гулькин нос осталось, можно наше мероприятие и повернуть. Ясак возьмем богатый, наверное. Только тут два момента. Во-первых, с походом мы определились еще до твоего появления, а во-вторых, пойдем не отрядом, а все вместе. Сотен пять казаков соберем.

– Какой все вместе?! – грек аж подскочил. – Кто пермские места стеречь останется? С Чердыни обратно Алей через Орел пойдет. Оставьте Строгановых в одиночку с ним бодаться? Только про ногайцев поговорили, так вы оказывается и с Сибирским ханством войну развязать удумали? Может и со всем миром сразу?!

– К черту Строгановых! – теперь вскипел Ермак, – Как барыши по сундукам рассовывать, так им помощники не нужны, а как Алея воевать, так спасите-помогите! Раскрой глаза, война уже идет. Со всем миром? Может и со всем. И тут не выкрутишься, не договоришься, не переждешь. Если Строгановым дорога их мощна, как-то отобьются, а нет, так и пес с ними. Невелика потеря. Сам же сказал, не добудем Сибирь – быть беде.

Оба встали. Ермак смотрел на Григория, а Григорий на Ермака. Северодвинский казак и рожденный русским дворянином грек. В них обоих была сила. Она сквозила во взгляде, в гордо поднятых подбородках, в напряженной статике их замерших тел. Пожалуй, никто в захолустном городке на Каме не подозревал о том, как много решалось сейчас в маленькой горнице двумя людьми, отнюдь не принадлежавшими к сильным мира сего.

– Ты искал людей для похода, ты их нашел. Чего еще надо-то? – строго поглядел атаман. – А то, что не совсем по-твоему выходит, извиняй, тут не Москва. Так что думай сегодня-завтра и решай, либо с нами за Камень, либо сам выкручивайся как хош.

Сказав это Ермак развернулся и вышел вон.

Иван Кольцо тоже встал.

– Дело опасное затевается, но ведь и орел мух не ловит. Запомни хорошенько, не просто так за Ермаком пошли атаманы. Если он решил, что стоит рискнуть, значит, действительно стоит. А один ты все-равно такой путь вряд ли осилишь – в одиночку не одолеешь и кочку. По мне, так нечего здесь думать, но смотри сам. И грамоту далеко не девай. Чего уж там, в царскую петлю не больно-то охота, а в Сибири, гляди, еще повоюем. Сами себе государями станем, – хитро подмигнул казак и, сверкнув золотой серьгой, последовал за атаманом.

Лишь только дверь захлопнулась, Григорий сунул целую руку под кровать и достал холщовый мешок. Аккуратно положив его себе на колени, грек слегка приотворил края торбы, как бы впуская туда воздух.

– Слышал такое? – спросил он неизвестно у кого, – Строптивный народец, однако. Похоже, выбора у нас с тобой особо и нет, но, думаю, это мы как-то переживем. Главное, скоро будешь дома.

Из окна пахло стряпней. Это постояльцы принялись за завтрак. Григорий несколько раз втянул носом воздух, полный чудесных кулинарных ароматов.

– Хм, а на краю света поесть тоже не дураки. Не знаю, как ты, а я проголодался.

* * *

День выдался погожим и теплым, но приближение осени уже ощущалось во всем. Воздух наполнился сладкой негой, тайным предчувствием чего-то нового и, в то же время, до боли знакомого – повторения цикла в вечном круговороте жизни.

Люди, сновавшие туда-сюда по причалу, не могли позволить себе предаваться мечтам. Мужчины, женщины и даже дети тащили мешки с солью и грузили их на речные баржи. Круговорот жизни соленосов был короток и ужасен. Постоянно воспаленные шеи и уши, кожа, местами проеденная до мяса, изуродованные и деформированные непомерными нагрузками спины – так выглядели те, кто из года в год отдавал свое здоровье и свою жизнь для того, чтобы предприимчивая семья Строгановых все больше богатела и набирала политический вес. Платили за такой нечеловеческий труд сущие гроши, которых едва хватало, чтобы сводить концы с концами, поэтому соленосы всеми силами старались перетаскать как можно больше мешков и получить хоть немного больше денег. Впрочем, варить соль тоже было не сладко. Избы-варницы топились по-черному. Чуть ли не по 30 часов подряд в жаре и соляных испарениях на железном цырене повара выпаривали соляной рассол.

Мешки носили молча – сэкономили силы. Григорий тоже задумчиво молчал, переводя тяжелый взгляд с рассолоподъемной башни и варницы с амбаром на ожидавшие дорогостоящий груз баржи и несчастных людей, бежавших в эти края от войны и голода за лучшей жизнью, но попавших в беспросветную кабалу к охочим до наживы купцам. Помимо нелегкого зрелища, настроение греку портила и разодранная гнусным котом рука, которая до сих пор продолжала ныть и нарывать. Ему оставалось только надеяться, что когти не заделали сухожилия и он уже в ближайшее время сможет полноценно пользоваться оружием. Отвлечшись на трав-

мированную кисть, Григорий не сразу заметил подошедшего старичка, который уже несколько минут с хитрым прищуром поглядывал на него.

– Что тебе? – не слишком вежливо буркнул грек. – Милостыню хочешь?

– А чего бы и не хотеть, коли господин предлагает, – с легким лукавством в трескучем голосе ответил дедок, почесав редкую кустистую бородавку. – Старый я, понимаешь, стал, работать уже не могу. А ты вон, гляжу, серый как туча. Громы и молнии только не пускаешь. Случилось аль чего? Ты в себе не таи, я послушаю, у меня времени нынче много.

– Случилось? – Невесело ответил Григорий, всовывая монетку в заскорузлую дедовскую руку. – Что могло случиться? Все, как всегда – кто везет, того и погоняют.

– Хе, – прищурился старичок. – На то лошадка и есть, чтобы ее погонять.

– Человек не лошадка. Где такое написано, что человек человека жрать должен?

– Ну и вопрос у тебя. Бог его знает, где написано. Я ж грамоте не обучен. Наверное, оно всегда так было.

– Всегда ли? Отчего же тогда некий англичанин спросил: «Когда Адам пахал, а Ева пряла, кто дворянином был тогда?». А раз все люди созданы Богом равными, он призвал свергнуть противоестественное рабство и установить свободу.

– И где тот англичанин сейчас?

– Его четвертовали.

– Ага, свободу стало быть он не установил, – крякнул дед.

– Стало быть так. Только прошло совсем немного времени, как другой человек – чешский священник, напомнил, что Бог поставил над людьми власть, но также дал свои заповеди. Вот и спрашивается, если власть нарушает заповеди, кого слушать – ее или Бога?

– Догадываюсь, что он сам себе на это ответил. А как господа отреагировали на его речи?

– Господа его сожгли. Но еще позже один теперь уже немец заявил, что на бедный и простой люд в городах и деревнях вопреки Богу и всякой справедливости налагаются большие тяготы духовными и светскими господами и властями и терпеть это больше никак нельзя. Он призвал всех объединиться в братство, чтобы по справедливости делиться всем друг с другом.

– И что с ним сделали?

– Ему отрубили голову.

– Жалко немца. Хороший видно был человек.

– Видно хороший. И вот, уже совсем недавно наш с тобой соотечественник – инок Кирилло-Белозерского монастыря, обвинил свою братию в сребролюбии и ненасытности, в том, что всевозможным способом угнетают они живущих в селах братьев своих во Христе, налагая проценты на проценты. А потом призвал монахов сел не держать, не владеть ими, но жить в тишине и в безмолвии, питаясь своими руками.

– Смелый инок, – сделал вывод старичок. – Ему тоже отрубили голову?

– Нет, ему повезло. Наши оказались более терпимыми. Его всего лишь обвинили в ереси и заточили в монастырь, где он вскоре и почил.

– Да уж, – дед почесал затылок, – не знал я, что за нас, простых тружеников, кто-то заступает и на плаху идти не боится. А власть везде, наверное, с такими расправляется, что здесь на Руси, что в заграничных землях. Правда, нам тут грех жаловаться, у нас тут ничего, мы люди вольные. Хотя тоже как сказать. Помещиков на кормление над нами никто не ставит, это да, но купцы Строгановы на деле не лучше, а то и похуже будут. Что велят, то и делаем беспрекословно.

– Отчего так? Чай не князя ведь?

– Ясно, что не князя. Но соледобыча-то вся в их руках. Дело это прибыльное, богатств они на нем сколотили немало, наемников, опять же, вооруженных привели. Попробуй тут не слушаться.

– А вы что же сами соледобычу не наладили, коли дело такое прибыльное?

– Ну и как бы мы сами? У них деньги, инструменты, грамота от самого царя – вот тебе и власть. А у нас что за душой? Только вон руки эти и больше ничего.

Дед уставился на свои нагруженные ладони и просидел так несколько секунд. Вдруг блаженная улыбка растянула его потрескавшиеся губы, а взор на миг стал ясным, как весеннее небо.

– Скажи, ты царя видел? – неожиданно робко поинтересовался старик. – Какой он, царь?

Грек немного удивился резкой смене темы, но тем не менее ответил:

– Большой и уставший. Хотел изменить мир, но, видно, одному человеку это не под силу. Чуть посветлевшие глаза деда снова затуманились.

– Значит, нет оттуда надежды, – вздохнул он и потихоньку заковылял прочь.

Отойдя на несколько шагов, старик остановился и обернулся.

– Ежели с казаками за Камень пойдете, так я дождусь, помирать пока не буду.

– Чего дождешься? – удивился Григорий.

– Правды дождусь. Говорят, там далеко она есть. Может врут, так ты узнай, как оно на самом деле. А вдруг не только на том, но и на этом свете правда найдется.

Соленосы в полной тишине продолжали грузить мешки. Они не искали правды, но надрывали спины в надежде на то, что их семьи хотя бы в ближайшее время не умрут с голода. Грек недолго наблюдал за ними, так как ему почудились доносившиеся откуда-то сбоку крики и гвалт. Последовав за звук, он вышел к амбарам, где хранились запасы продовольствия. У амбарных ворот сгрудилась кучка людей, ощерившихся саблями и мушкетами. Напротив, размахивая оружием, тыкая кулаками в сторону оборонявшихся и, ругаясь, на чем свет стоял, шумела и гудела ватага казаков. Предводительствовали Ермак и Иван Кольцо. Григорий остановился поодаль и решил понаблюдать, пока не вмешиваясь.

– А ну, открывай амбары, морда ты торгашеская, да выдавай сюда пороха фунта по три на человека, свинца, ружей сколько необходимо, муки ржаной по три пуда, круп и толокна по два и соли по пуду! – взревел атаман.

– Ради Бога, забирай хоть все, только верни потом с лихвой, как принято! – Максим Строганов довольно смело для его нынешнего положения покрикивал из-за спин телохранителей. – Договор подпиши и дело в шляпе.

– С лихвой?! Да я тебя...

Ермак сделал шаг вперед, а за ним и вся толпа. Строгановская охрана попятилась, не опуская оружие.

– Кому припасы не даешь? Эти люди всю жизнь кровь проливают, чтоб такие как ты брюхо себе на печи отращивали! Царь наказал с божьей помощью в поход идти, значит, отворяй амбары, и дело с концом!

– Бог, знаешь ли, высоко, а царь далеко, – голова Максимки снова появилась за дюжими плечами его холопов. – У меня тут свои интересы. Вот вернется Алей с севера, и чего мне изволишь с ним в одиночку делать? А Вы ежели не вернетесь, кто тогда взятое отдаст?

– Свои интересы? Жрать да спать твои интересы. А еще монеты в кубышку складывать, – Ермак закипал. – Державы ради в поход смертельный идем, а ты о мощи своей только и думаешь!

– Ты, атаман, герой конечно, только не тебе про державу-то говорить. У самого с ней отношения не гладкие. И не забывай, что без торговли и промыслов никакой державы нет. А торговля и промыслы здесь – это мы, Строгановы!

Возмущенные казаки придвинулись уже совсем вплотную, почти прижав Максима с его охраной к воротам амбара.

– А ну, братцы, расступись! – скомандовал Иван Кольцо, вскидывая завесную пищаль. – Осточертел ты мне, Максим Яковлевич, порядком. Отворяй ворота, или будет хуже.

* * *

Усевшись на лавку у стены, Годунов начал:

– Появился давеча в Москве мужик – оборванец страшный. Исхудал, места живого не найдешь. Страже все кричал, что из-за Каменного Пояса, из земли Югорской прибыл с известиями для государя Ивана Васильевича. Говорил, что, мол, в земле бесерменской православные люди есть, живут себе давно. А царя, дескать, об опасности исходящей предупредить хотят. И доказательства у него с собой неопровержимые. К царю само-собой оборванца такого не пустили. Однако ж обыскали его и обнаружили письмо, якобы от деревенского старосты или какого-то другого уважаемого человека, Бог их поймет, чего там эти крестьяне малограмотные сочиняют. Так вот, поначалу, оно показалось бредом сумасшедшего, ибо содержание его, интерпретированное максимально здраво, сводилось к следующему: где-то на востоке, за Волгой, за Казанью да за ханством Сибирским течет великая река, шире которой в мире нет. На реке стоит остров, а на острове том древо, что небеса с преисподней соединяет. Ну, нового, прямо скажем, тут ничего нет, все эти басни про Лукоморье да Буян-остров каждый из нас еще ребенком слышал. Только все чуднее будто бы оказывается. На древе стоит машина невиданная и от машины той все, что в мире есть, происходит.

– То есть как это, все, что в мире есть? – прервал его удивленный Григорий. – И мы с тобой, Борис Федорович, сейчас беседы ведем из-за машины?

– Думаешь, я понимаю? Судя по тому, что поведал гонец, якобы все начинания человеческие, идеи, стремленья да порывы душевные та машина дает. И не спрашивай, как. Дело в том, что она работает не сама по себе, но управляется странным народцем, похожим на птиц, только с шерстью и летать не сподобившемся.

– Это где ж такие птицы виданы, чтобы с шерстью и не летали? – не в силах сдержаться, воскликнул грек.

– Да ты погоди, – Годунов выставил вперед ладонь, как бы останавливая Григория, – до конца слушай. Тать ночной, сказывал тот мужик, сил темных посланец, умыкнул хитроумно из машины какой-то множитель. Что это, толком объяснить не смог, но уверял, что без множителя машина слабосильной стала. Не извергает наружу ничего хорошего почти.

– Казалось бы, дурь немислимая, а глянешь кругом, все так и есть, – подал голос царь. – Будто осатанел народ. Нелюди, ироды поганые. Каждого за тридцать серебряников купить можно. У каждого из уст льются меда, но на вкус они горше полыни. Как сказал пророк: «Слова их мягче елея, но подобны они стрелам». Воистину, последние времена грядут.

– Святая правда, – решил не перечить царю Годунов. – Только сказке и тут не конец. Дьявольским слугам тот множитель позарез нужен, чтоб силу свою накопить и увеличить. Не ровен час, выйдет на свет божий воинство из преисподней, начнется светопреставление. А тогда ни Руси, ни Литвы с Польшей, ни Франции с Гишпанией, ни самого папы римского не станет.

– Папа пусть в огне горит, – стиснув зубы, выдавил из себя Иван Грозный с таким выражением лица, будто понтифик прямо перед ним уже жарился на сковородке. – Россия сгинет, слышал? Все к тому идет.

Грек с замиранием сердца внимал первым людям государства. Он и вправду не знал, что сказать. Ни дедовская вера, ни рациональная мысль нового времени, коя уже дала ростки в его сознании, не позволяли ему примириться со столь похожей на вымысел историей.

– Не веришь? – спросил царь. – Вот и я не верил, пока своими глазами доказательство не увидел.

* * *

На следующее утро у причала собралось все население городка. Разоделись как на праздник. И то правда, не каждый день казацье войско за Урал выступает. И хотя абсолютное большинство поселян могло себе позволить лишь холщовые рубахи, шерстяные штаны да лапти с онучами, бедняки все же старались украсить себя, как только можно: верхнюю одежду по подолу и по краям рукавов расшивали узорами, украшали тесьмой. Да и сами рубахи и женские летники пестрели всевозможными цветами – красным, зеленым, голубым. А как иначе? Чай не траур, чтоб темное носить. Кто побогаче, конечно, красовался сапогами и башмаками из юфти, то есть коровьей кожи, выделанной на чистом дегте. Кафтанами и кушаками щеголяли как орденами, а то и похлеще.

Тем не менее толпа отнюдь не веселилась. Поспешный отъезд казаков, не успевших толком отпраздновать победу, удивлял и настораживал. Перед лицом опасности нового набега люди чувствовали себя брошенными на произвол судьбы. И стар, и мал обсуждал, хватит ли у Строгановых наемников, чтобы при случае отбиться от Алея с его хоть и битой казаками, но все еще многочисленной ордой. В тот день никто не предполагал, что отбиваться придется уже завтра.

Несколько поодаль толпы, в опашне и сафьяновых сапогах стоял суровый и недовольный Максим Строганов. Он попал в крайне двусмысленное положение. С одной стороны, черт с ним с провиантом, который пришлось отдать казакам. Жизнь, в конце концов, дороже. Но что будет, если на обратной дороге Алей с ордой решит опять заглянуть на огонек? А с другой стороны, кто боится воробьев, тот не сеет проса. Максим представил, что могло лично ему сулить удачное окончание похода, и даже осторожно улыбнулся в бороду. Конец опасности набегов, а значит, свободная торговля с жителями Зауралья. Бескрайние земли, которые они, Строгановы, освоят самостоятельно, без пристального взгляда грозного царя. Полная монополия и золотые горы. Рисковать, конечно, не хотелось, но делец на то и делец, чтобы находить выгоду даже в, казалось бы, заведомо проигрышной ситуации.

Не особо веселился и Ермак. В легком панцире из тонких плоских колец, с кривой булатной саблей, пристегнутой к бедру, он стоял на носу головного струга. Атаман орлиным взором следил за казаками, завершавшими погрузку свинца, пороха, бочек с сухарями и ячменя для приготовления каши и кваса. Кроме припасов, каждый казак приготовил в поход саблю, две пищали и сменные шаровары.

Остроносых стругов с десятком весел по бортам было вроде бы много – четверть сотни, но слишком мало, чтоб противостоять оставшимся у Кучума силам. Однако лихие казаки не действовали наобум. Они установили на лодки несколько пушек, резонно предполагая, что артиллерия и огнестрельное оружие вкуче с современной организацией боя смогут свести на нет численное превосходство татар.

Григорий со своим неизменным холщовым мешком сидел в головном струге неподалеку от Ермака. Он был приятно удивлен основательной подготовке казаков. Наблюдательный грек насчитал порядка трехсот пищалей, дробовых ружей и даже испанские аркебузы. Холодного же оружия вроде сабель, копий, топоров, кинжалов, а также самострелов было вообще не счесть. Вся эта амуниция, в том числе и припасы, грузилась на плоскодонные беспалубные суда, имевшие с каждой стороны по десятку весел. При попутном ветре можно было поставить мачту с небольшим прямым парусом и дать отдохнуть гребцам.

Флотилию разделили на пять частей, одной из которых командовал сам Ермак, а остальными четырьмя – его ближайшими сподвижниками, а именно Иван Кольцо, Савва Болдырь, Матвей Мещеряк и Никита Пан.

Толпа гудела, когда струги отделились от берега и медленно поплыли по водной глади, приводимые в движение дружными взмахами весел. Пока еще горизонт был открыт, но уже тут и там к реке подступали хвойные лесные массивы. Скоро они заполнят своей зеленью все пространство, а потому река оставалась единственным приемлемым способом путешествовать в этих местах. Ели и пихты покрывали больше двух третей земли Приуралья. Дальше на юг появлялись и лиственные леса, но здесь раскинулось царство вечнозеленых исполинов. Как древние великаны возвышались они над полями и оврагами, то тихо перешептываясь, то грозно раскачиваясь под порывами ветра.

Лишь только Орел-городок скрылся за излучиной, Ермак подсел к Григорию.

– Думается мне, – молвил атаман, – пойдём мы по Чусовой и по Серебрянке до Каменного пояса. Там волоком до перевалов и дальше в Тагил. Главное, до заморозков успеть, а то лед в реках станет, и мы вместе с ним.

– Да, пожалуй, при самом удачном стечении обстоятельств Сибирь мы раньше, чем через месяц, не увидим, – отозвался грек.

– Через месяц нас устроит.

– Вас-то устроит, это понятно. Только здесь за это время все что угодно произойти может. Ежели Строганов от татар не отобьется, то возвращаться с ясаком будет уже некуда.

– У тебя в голове одно да добро. Отобьется торгаш, никуда не денется. Если б речь о службе зашла, драпанул бы как заяц. А за барыши свои постоит, будь здоров.

Ермак придвинулся поближе.

– А теперь, Григорий, давай-ка начистоту. Зачем царю экспедиция потребовалась? Одно дело военный поход, а так... С горсткой казаков, как ты хотел, за Камнем не то, что не удержишься, но и добычу особо не возьмешь. Так в чем смысл? Что там в тех землях? Что увидишь ты хочешь?

Грек огляделся. Казаки на веслах дружно пыхтели и не могли слышать беседы.

– А вот что, атаман. Четверть века, считай всю мою сознательную жизнь мы дрались с половиной Европы за выход к Балтике и каков результат? Да никакого. Только разорение и туманные перспективы. Если Ливонский орден с их устаревшей военной и хозяйственной организацией наше войско сокрушило с легкостью, если с идущими с нами в ногу поляками и литовцами тоже худо-бедно справились, то со шведами вышло все иначе, и мы с тобой уже обсуждали почему. Войны без денег не выигрываются, понимаешь?

– И государь велел отыскать за Камнем богатства. Все это от тебя я уже слышал. Но ты ищешь что-то конкретное и, мало того, знаешь, где искать.

– Я ищу ответы.

– Ответы? Да ладно, не смейся. За ответами в монастырь идут, а не лезут к черту на рога.

– Вот именно! – вдруг воскликнул Григорий, на мгновение привлечший к себе внимание гребцов. – Монастыри суть камень преткновения. Люторы шведские откуда, думаешь, деньги взяли на мануфактуры и войско?

– Намек прозрачный – из латинских монастырей. У наших иноков земли с крестьянами, пожалуй, тоже побольше, чем у царя будет. И деньги в рост частенько дают, значит, есть что давать. – Ермак нахмурился в раздумье и наконец сообразив резюмировал. – Только на ересь это больно похоже. Здесь, конечно, говорить можешь что угодно, но в Москве за такие речи...

– Старец Вассиан не хулил ни Бога, ни Писание, но его называли богохульцем за то, что велел монастырям сел не иметь, а тех, что упорствовали в стяжании, обличал в вероотступничестве. Ересь? А не ересь проповедовать братскую любовь и братьев своих при этом обдирать до нитки? Неужели то ересь, если кто от неведения в чем усомнится, желая добраться до истины?

Матерый казак не стал ничего отвечать. Внутри него привычка боролась с ощущением очевидной справедливости сказанного.

– Людей пищального боя у нас мало, – продолжил грек, глядя в глаза атаману, – но царская казна в нынешнем своем состоянии не может постоянно содержать даже их. Я уже молчу о том, чтобы наладить военное обучение как у шведов и голландцев. А представь, что могло бы быть, отдай иноки свои имения? Без всякой лютеровской ереси мы сделали бы то же, что сделал шведский король. Но теперь, после судилища над Артемием, надежды на то мало.

– И на вопросы Артемия ты ищешь ответы за Каменным поясом? – очень тихо и задумчиво поинтересовался Ермак.

– Может быть.

Атаман отвернулся, вроде как разглядывая местные пейзажи. Некоторое время он молчал. По его невозмутимому лицу совершенно невозможно было понять, какие мысли лезли ему в голову.

– Знаешь, ты либо сумасшедший, либо... нет, все-таки сумасшедший. Но несмотря на это мне нравится, что ты говоришь, – широкая улыбка вдруг показалась под кучерявой казацкой бородой. – Ха, а ведь поначалу ты мне совсем не понравился, вот ведь как бывает. Ну ничего, первый взгляд обманчив. И не мучай себя по поводу Строгановых. Чему быть, того не миновать, а за Камнем мы все равно знатно погуляем. Эх, погуляем!

* * *

Борис Годунов и Григорий Никифоров покинули царские покои и вышли во двор. Минував сверкающих ослепительно-белыми ферзями и до блеска отполированными бердышами стрельцов, которые стояли на страже при входе в терем, боярин остановился. Грек встал прямо за ним, ожидая дальнейших действий. Поразмыслив о чем-то, Годунов, не поворачиваясь, негромко произнес:

– Рядом вроде никого. Медленно иди за мной и слушай.

С этими словами он начал неспешно прогуливаться вдоль хозяйственных построек. Григорий в недоумении последовал за ним.

– Предприятие государь наш Иван Васильевич задумал дерзкое и интересное, а главное, на мой взгляд, вполне осуществимое, – начал боярин. – Питая огромное уважение к славному воеводе Хворостинину, царь принял от него твою кандидатуру для выполнения столь непростого и ответственного задания. Так что, будь добр, оправдай оказанное тебе доверие.

Грек хранил молчание. Он еще не до конца понимал, что ждет его впереди. Слишком сильно было впечатление от личной встречи с великим государем, божьим помазанником и защитником православной веры. Впереди показались люди, поэтому Годунов прервал свою тираду. Это были двое мужчин средних лет и выглядели они весьма экстравагантно. Один из них, видимо англичанин, худощавый, с длинными вьющимися волосами и щегольской бородкой, носил богато вышитый пурпуэн с большим и жестким, как испанская фреза, воротником, шарообразные штаны и чулки-трико. На плечи он накинул короткий красный плащ. Другой, плотного телосложения, гладко выбритый и коротко стриженный, был облачен в одеяния католического монаха. Странная парочка что-то очень эмоционально обсуждала.

– Представьте себе, господин Горсей, – возмущенно жестикулируя говорил монах, – в Старице после аудиенции царь Иоанн устроил пир в мою честь и произнес целую речь о том, что папа – главный пастырь всех христиан и наместник Христа, а потому вся Русь хотела бы подчиниться его власти и вере.

– И Вы, мессир Поссевино, наверняка весьма тому обрадовались, – усмехнулся англичанин. – Иезуит, проявляющий ребяческую наивность? М-да...

– Но ведь я не знал русский язык, не мог верно уловить интонации! Как же можно было иначе понять царские речи?!

– Ну, ну, почтеннейший, любовь царя к юродству не секрет. Да и всегда стоит принимать во внимание, что его бабка Софья, византийская принцесса, воспитывалась в Италии именно вашей братией. Разговор о вере за пиршественным столом должен был бы зародить в Вас некоторые сомнения.

– Должен, должен. Но головокружение от успехов... Я сообщил папе радостную новость и вернулся в Москву, предполагая, что дело сделано. И тут начались неурядицы. Обсудить наедине вопрос унии царь отказался, но предложил провести дискуссию в Кремле в присутствии бояр и служилых князей. Всего собралось человек сто.

– Ага, боюсь даже представить, что случилось дальше.

– Сначала вроде ничего особенного. Иван Васильевич сказал, что уважает мою позицию, но поскольку он уже стар и готовится к смерти, веру менять не готов. А какая вера истинная, то решит Господь в день Суда.

– Ловко, однако, он Вас провел, уважаемый.

– Дальше хуже. От него посыпались возмутительные и неуместные вопросы: почему папа сечет бороду, почему носит крест ниже пояса, пристойно ли носить крест на туфле и так далее. Затем заявил, что носилки, на которых папу носят во время торжественных шествий, не облако, носильщики не ангелы, а сам папа не Христос.

– Справедливо.

– Чем ерничать, лучше дослушайте, чем дело закончилось. Говорит, ежели папа не по Христову учению и не по апостольскому преданию живет, то он волк, а не пастырь. Ну тут я и замолк. Коли уж папа волк, сказать мне больше нечего.

– Конечно, нечего, правда глаза колет.

– Ой, Вам ли говорить? Царю московскому все одно: яко латина прелесть, тако и люторы тьма.

– Так ведь и королеве все одно, господин иезуит, – разведя руками ответил англичанин, – лишь бы торговать пускали. За вашей религиозной непримиримостью нет будущего, потому вы проигрываете на каждом шагу. Рим окончательно и бесповоротно устарел, мессир Поссевино.

Прелат хотел было что-то возразить, но заметил Годунова с Григорием и слегка поклонился. Боярин ответил тем же.

Когда иностранцы прошли мимо, он покосился им вслед и с явным раздражением заметил:

– Аглицкий прихлебатель и папский шпик, хороша компания. Второй особенно мерзкий, приехал якобы помочь заключить перемирие, а на самом деле пытается убедить царя принять унию. Ну, пусть себе пытается. Главное, чтобы они о нашем деле ничего не пронюхали.

Послы, тем временем, не торопясь продолжили свой путь и даже если бы захотели, ничего разнюхать или подслушать уже не могли.

– Так вот, – продолжил наконец Годунов, все еще оглядываясь на экстравагантную пару, – царь наш набожен без меры, а с возрастом его вера приобретает все более фанатичный характер. Человек – он всегда человек. Верит в то, во что хочет поверить.

– Борис Федорович, о чем это ты? Сказывай, не темни, – Григорий вопросительно посмотрел на боярина.

– Сам в толк не возьму, сомненья гложут. Пойми меня правильно, нам попы уже столько раз обещали светопреставленья, что диву даешься. Они всю жизнь в Священном писании доказательства тому ищут и удивительно вовремя находят. Но это ладно, тут у нас другое. Что мы имеем? Полоумного крестьянина, скончавшегося от истощения? Так для него ведь что Кострома, что Индия. Ни там, ни там не был и не побывает никогда.

– А как же доказательство? – грек протянул холщовую котомку, полученную им в покоях царя Ивана.

– Скажи, Григорий, много ли ты знаешь о сибирской земле? – Годунов ответил вопросом на вопрос.

– Ну, басни всякие, ничего конкретного. Люди с песьими головами, а еще странный народ, который то умирает, то воскресает в зависимости от времени года. Ерунда, в общем. Даже карты пристойной никогда не видел.

– Не видел, потому как нет ее. Я о том и твержу, что кроме слухов и баек у нас совсем ничего не имеется. Мало ли за Камнем диковинок может быть? Здесь в Москве порой такое увидишь, что ни в сказке сказать. Ладно, давай к сути. Государство наше в положении крайне тяжелом. И дело не только в послевоенной разрухе. Дело, прежде всего, в умонастроении народа. Четверть века нескончаемой войны. Понимаешь, что это? Целое поколение людей, которое не видело мирной жизни. Люди у нас стойкие, но даже такое выдержит не каждый. Вот и бегут на окраины как умалишенные, вроде там легче будет. А как войско без крестьян содержать? Короче говоря, нам остро необходим реванш. От этого зависит, во что превратится Русь в ближайшие годы, растащат снова наши земли или наоборот, мы продолжим расширять свои территории. На запад, как видишь, путь временно закрыт, но вот восток...

– Понимаю, о чем ты, боярин, – кивнул Григорий. – Присоединив восточные земли, мы покажем, что с Русью нельзя не считаться. Шведы пьяны от побед. Нужно их отрезать.

– Все верно смекнул, – Годунов похлопал грека по плечу. – Только не так быстро. Прежде чем отправлять туда войско, надо бы разузнать, что там вообще происходит, каким путем лучше добираться, много ли в Сибирском ханстве крепостей и пушек, найдутся ли нам союзники. Ты как раз по этой части, так что...

Григорий с пониманием кивал после каждой фразы боярина.

– Думается мне, – Борис нахмурил брови и сложил руки на груди, – в нашей ситуации было бы государственным преступлением терять драгоценное время на погоню за тенью и поисками какой-то богом забытой деревни, если она вообще существует. Что царь наказал, то делай, но помни – пред нами стоит задача, от выполнения которой зависит, быть Руси или не быть. А тем героям, которые совершат невозможное – почет и слава...

Глава 3. Между двумя мирами

Осень стремительно венчалась на царство. Становилось все холоднее и холоднее, особенно по ночам, когда лишь трава да овчина служили постелью пяти сотням казаков, так надолго оторванным от своей Родины. Днепровские степи и тверские леса, Москва и Рязань, Поморье и Поволжье – со всех концов еще не спаянной воедино древней Руси и новообретенных земель собрался отважный люд, чтобы дерзнуть и свершить невиданное. Каменный пояс – горная цепь настолько грандиозная, что вершины теряются в густых облаках, раздирая их в клочья, когда резкий и колючий ветер приходит им на помощь. Пустое место, опасное. А обойти нельзя никак. От моря до моря раскинулась гряда, отделяя мир человеческой цивилизации от мира неведомого, мира чудес.

А струги все плыли и плыли. Днем к реке на водопой выходили лоси, ночью слышался волчий вой, и желтые глаза хищников сверлили путников из чащоб жадным взором. Но вот начался подъем. Из Камы отряд Ермака перебрался в Чусовую, которая бурлила и ярилась в верхнем течении в самих предгорьях. Река обмелела. Подводные камни, местами являющие свои острые края над поверхностью потока, грозили казачьим судам катастрофой. Могучее течение отнимало у гребцов последние силы. Местами казакам, часто подвизавшимся бурлаками на Волге, легче было протащить струги бечевой. Но через время стало настолько мелко, что не помогало уже и это. Самые большие струги пришлось бросить, прорубить просеку в чаще и, в отсутствие возможности волочить лодки по каткам на каменистых буераках, перенести остальные на руках через острые скалы, спотыкаясь о корни, распарывая одежду и плоть о колючие ветви.

Так вошли в прозрачную Серебрянку, что притекла прямо от Сибирской страны. Высокие скалистые берега ее были узки, но поднявшийся во время дождей уровень воды позволил наконец передвигаться без боязни сесть на мель или напороться на камень.

К тому часу, когда измученное в пути воинство достигло тагильских перевалов, в горах выпал снег.

Казаки поставили шалаши и остановились на привал. Перед лагерем расчистили площадку, на которой Григорий целыми днями занимался с казаками военными учениями. Особенно интересовала его новейшая линейная тактика, элементы которой грек неоднократно видел у шведов. Увиденное вполне убедило его в том, что повсеместное применение линейной пехоты вскоре окончательно похоронит как старый добрый доспех, так и прославленную тяжелую дворянскую кавалерию. Казакам подобные экзерсисы удовольствия, прямо скажем, не доставляли, о чем они не преминули сообщить, разъяснив греку, где они его видели и куда ему следует сходить. Но после того, как на них гаркнул повидавший на своем веку множество сражений Ермак, который прекрасно понимал, что десятикратный перевес противника в численности может свести на нет только умелое использование огнестрельного оружия и железная дисциплина, любителям вольницы пришлось подчиниться. Так они стали оттачивать череду мушкетных залпов, которая при поддержке пускай небольшой, но все же артиллерии должна была остановить нападавшую в хаотичном порядке татарскую конницу.

Все остальное время приходилось охотиться. Снег падал постоянно, заметая и так не столь часто встречавшиеся следы животных. Это вынуждало охотников уходить все дальше от лагеря в поисках добычи. И вот, после очередного похода за провизией, отряд вернулся с неожиданным уловом. Казаки шли, громко переговариваясь и споря. При этом они не забывали толкать и подхлестывать плетями весьма занятого субъекта. В лагере данную процессию встретил Григорий. Охотники, ничуть не церемонясь, вытолкали к нему незнакомца. Представлял он зрелище весьма плачевное: повидавшая виды, хотя, вероятно, когда-то весьма дорогая, делия с меховым воротником и такой же подкладкой свисала грязными лохмотьями; петлицы

из декоративного шнура почти все были оторваны, поэтому под верхней одеждой хорошо просматривался жупан со стоячим воротом, повязанный широким поясом с ювелирной пряжкой из потускневшего от времени и невзгод серебра.

Одного взгляда хватило греку, чтобы понять – перед ним польский шляхтич, знатность которого, как всегда, равнялась разве что его спеси. Григорий подошел ближе, нависая над незванным гостем, ибо тот был полон и невысок.

– Ну, так что за птица к нам пожаловала?

– Адам Каминский, специальный посланник короля польского и великого князя литовского Стефана Батория, – грязный и оборванный поляк высоко задрал голову, раздувая и без того круглые щеки. – Заметьте, у нас теперь мир, поэтому попрошу вести себя соответствующим образом.

Его обледеневшие и совсем не грозные усы высокомерно топорщились, будто их владелец выступал как минимум на сейме в Кракове.

– Ого, ну ничего себе, какой индюк! – Григорий обнажил зубы в издевательской улыбке. – Что ж, негоже держать светлейшего пана на морозе, да еще и в таком виде. Пройдем за мной.

Грек развернулся и неспешным шагом направился к близлежащему шалашу. Поляку ничего не оставалось делать, как последовать за ним, тем более что в двух шагах его поджидали весьма недружелюбные бородатые казаки с плетями и пищалями. Они явно заметили серебряную пряжку, но пока не решались заявить свои права на это изделие. Внутри было тесновато, но, что самое главное, тепло и вроде бы безопасно. Григорий жестом предложил гостю расположиться на расстеленных на полу шкурах, что тот не преминул сделать. Несколько ловких манипуляций и перед глазами измученного поляка возникли кусок вяленого мяса и фляга с горячим питьем.

– Поблагодарить бы тебя, милсдарь, за пищу, да только как обращаться к тебе не знаю, – поляк заговорил по-русски почти без акцента.

– Ах да, прошу меня простить. Жизнь с простыми людьми не настраивает на соблюдение дворцового церемониала. Да и кому он здесь нужен? Григорий Никифоров.

– Ты не похож на простого казака.

– А я и не казак вовсе.

– И все же, предводитель небольшой армии, как я вижу.

– Ты, светлейший пан Адам, – Григорий резко сменил тему, – нынче подумал бы, что о себе ценного сказать. А то ведь могут решить, что ты, не приведи Господи, шпион. Мужик русский, он знаешь какой? Сабелькой чик-чик и нет шляхтича.

Поляк глотнул из фляги и нервно закрутил ус. Его ум лихорадочно искал оптимальное объяснение пребывания должностного лица государства-соперника на территории, фактически принадлежавшей Руси. Грек не дал ему начать.

– Я, пан Адам, вижу два расклада. Либо ты ехал к татарам договариваться о союзе против нас, например, о походе Кучума на Казань, и это нехорошо. Либо ищешь ты здесь в горах что-то. А что – это ты, будь добр, сейчас поведай.

– Ладно, так и быть. Терять уж все одно нечего, – посланец польского правителя тяжело вздохнул и продолжил. – Ни о каком казанском походе я не помышляю, шутка ли сказать. Ищу я здесь волшебный камень, который все превращает в золото.

Григорий чуть не поперхнулся.

– Вот это ты даешь! В жизни такой ахинеи не слышал. А, впрочем, ну-ну продолжай.

– Смеяться не спешил бы, не до смеху. Камень-то чудесный сыскался. Версты две всего на юг. Через сугробы и заросли, но пройти можно.

– Ага, и что, золото-то где? В мошне у тебя? – ирония не покидала Григория. – Превратил уже что-нибудь?

– Да превратишь тут. Не работает он. Не было рядом никого, душой чистого достаточно. Только такому откроется камень.

– Чистого душой, значит, не было? А кто был? Где люди твои, пан Адам? Не один ведь из Польши на Каменный пояс притопал.

– Хитер ты, пан Григорий, как лис хитер. Небось в посольском приказе служил...

– Хорош скакать будто заяц. Я спрашиваю, где твои люди?

– А люди мои сгнули! – выпалил поляк, откусил ломоть мяса и принялся тщательно его пережевывать. – Я один остался. Мерзости всякие творятся на ваших диких окраинах. Ты думаешь, я и был таким оборванцем? Черта с два. Еле живым выбрался.

– Да откуда выбрался, дьявол тебя поберит?! – не выдержал грек. – Хватит уже вилить вокруг да около! А ну, говори!

– А я и говорю. Закололи товарищей моих, освежевали и съели, вот что. Твари богомерзкие здесь водятся. Слушай, возьмем казаков, пан Григорий! Возьмем и накажем нечисть! А я тебе камень чудесный открою.

– К бесу камень. Он же все равно не работает.

Григорий резко встал и одернул полог шалаша. Лицо обдал колючий холод. Приближался вечер и мороз, крепкий как поморский мужик, уже вовсю давал о себе знать. Неподалеку столпились казаки. Они живо что-то обсуждали, то и дело, указывая на жилище грека. Среди них были Иван Кольцо и Матвей Мещеряк.

– Эй, Гриша! – воскликнул как всегда импульсивный Иван. – Ты чего, с лазутчиком там толкуешь?

Грек уже подходил к казакам, когда из шалаша показалась встревоженная физиономия поляка с дергающимися усиками. Он явно не спешил показаться на глаза обществу, некоторые представители которого вполне могли оборонять Псков от Батория. Григорий подошел к товарищам и, обернувшись, подал знак рукой скрывавшемуся шляхтичу.

– Хочу представить вам, друзья, пана Адама Каминского, пожаловавшего к нам из самой Варшавы.

Пока пан Адам осторожно приближался к поджидавшей его группе, грек продолжил.

– Этот уважаемый человек утверждает, что нашел здесь в горах некий камень, который в золото все обращает, а товарищей его убили и слопали невиданные чудища. Что думаете?

– А давай-ка мы веревочку приспособим по шейке холеной, – Иван кровожадно ощерился. – Не знаю, как чудища, а с лазутчиками у нас разговор короткий.

– погоди, – Матвей ладонью слегка отстранил Ивана. – Пускай ответит нас к камню.

– А вдруг засада?

– Вот и проверим заодно. Согласись, Ваня, укоротить шляхтича на голову мы всегда успеем.

– Да он врет, что помелом метет, – не унимался Иван.

– Господа, позвольте сказать, – поляк подошел вплотную к казакам.

С этими словами, испытывая крайнее неудобство в зимней одежде и на снегу, он совершил поклон по всем правилам придворного этикета XVI века: снял правой рукой шапку, поднял ее вперед и вверх; в это же время правая нога его шагнула вперед. Затем, отмахивая ту же руку вниз, он одновременно шагнул назад и развернул вправо стопу. Наконец, шляхтич выпрямился, накинув шапку на голову и, в довершение всего, приставил левую ногу к правой.

Казаки смотрели на него с нескрываемым интересом, который был сродни искреннему детскому восторгу от наблюдения за повадками обезьяны. Кто-то даже хмыкнул, не забыв потребить при этом бороду. Тем не менее поляк продолжил свою едва начатую речь.

– Милостивые государи, я сейчас, безусловно, в вашей власти и дальнейшая моя судьба в руках ваших и Господа. Также, мне абсолютно ясна предвзятость, испытываемая в данный момент любым русским человеком к представителю моего народа. Но все мы невольники долга:

я служу своему государю, вы – вашему. Война же между нашими народами, слава Богу, завершившаяся, – не из ненависти. Политика и торговые интересы, больше ничего. Никакого зла лично вам я не желаю. Напротив, не послушав меня, вы можете навлечь на себя опасность. Большая сила, говорю я, есть в этих местах, но и большое зло. Выступим сейчас же, пока еще светло, уничтожим чудов! Им не выдержать схватки с многочисленным и хорошо вооруженным отрядом.

После столь чувственной речи поляка повисла пауза. Нарушил тишину, прерываемую лишь свистом холодного ветра, что, впрочем, было вовсе не неожиданно, Иван Кольцо.

– Во заливает шляхетская морда. Слышь, Матюшка, – обратился он к Матвею Мещеряку, – а я ведь ни черта не понял.

– Он, Ваня, толкует о том, что неподалеку засада и, дабы нынче во сне нас никто ножиком под ребро не пырнул, стоит ребятам этим дружественный визит нанести да по всем законам европейского придворного этикета.

– Ну, как порешите, братья атамань. – Иван был явно недоволен срывающейся возможностью повесить поляка. Впрочем, это можно было сделать и позже.

– Да ладно, – подал голос кто-то из казаков. – Всем известно, что Алатырь-камень стоит на Буяне-острове посреди северных морей. А стерегут его денно и ночью змея Гарафена да птица Гагана.

– А я слышал, – отозвался другой, – стоит камень у входа в самую преисподнюю.

Так могло продолжаться до бесконечности. Не выдержал Григорий.

– Не мелите ерунды. Нет никакого Алатырь-камня, а попасть в преисподнюю можно гораздо проще и в любой момент. Нарвавшись на засаду, к примеру. Я лично не прочь проверить, что там происходит. Кто со мной или так и будем до ночи топтаться?

– Ладно, Гришка, уговорил. Пойдем, разведаем. Чай Ермак обзавидует, что не полез с нами в чашу.

Иван Кольцо направился к своему шалашу за мушкетом. Кем бы он себя чувствовал, если б не позволил втянуть себя в очередную авантюру? Более рассудительный, но не менее авторитетный Мещеряк тоже был готов к вылазке, правда, скорее, из тактических соображений, нежели из тяги к приключениям.

Не прошло и двух часов, как отряд из пятнадцати человек вышел из густого леса на довольно широкую поляну, упирающуюся в отвесный горный склон. Уже стемнело, однако ночь была звездной, посему разведчики узрели перед собой занимательную картину. Прямо посреди поляны возвышался белый сверкающий монумент в полтора-два человеческих роста. В сиянии звезд он касался пришельцем из потусторонних миров, гостем, вторгнувшимся на Землю из глубин небесного пространства. Казаки заворожено смотрели на невиданное доселе чудо, и только взгляд варшавского эмиссара лишь на мгновение задержался на предмете восхищения ермаковцев. Его интересовало нечто иное. В дальнем конце поляны, у самого подножия гор, копошились, занятые своим, наверняка безумно важным делом, существа. Постепенно казаки тоже стали замечать движение, нарушающее благолепие данного места. Создания были небольшого роста, почти карлики. Звериные шкуры скрывали детали их облика, но кожа на лицах выглядела неестественно бледно. Она казалась полупрозрачной. Наконец, существа заметили вторжение на свою территорию и повернулись к казакам. О, Боже! Карлики глядели на пришельцев белками огромных глаз без единого намека на наличие зрачков.

Рука Григория потянулась к пистолету, однако он медлил. Существа были странными, чужими, способными до смерти напугать суеверное сознание простых русских мужиков, но рациональный разум грека твердил о том, что в столь тщедушных созданиях великой опасности таиться не могло. Выходя из удивленного оцепенения, казаки мал по малу стали делать неуверенные шаги в сторону не менее пораженных представшей перед ними картиной карликов.

– Братцы, вперед! – заорал вдруг Иван Кольцо.

Вмиг казаки выхватили сабли и с дружным ревом бросились в атаку. Одновременно с этим, один из чудов, то ли вождь, то ли шаман, повернулся к скале и поднял крохотные ручонки к небу. Супротив всех законов природы, в скале пошла трещина, и вековые камни раздались в стороны. Считанные секунды и странные существа стали скрываться во вновь образованной пещере. Отверстие было мало для дюжих казаков. Иван понял, что твари скроются прежде, чем он добежит до проема. Поэтому, недолго думая, он упал на колени и вскинул мушкет. Ночь прорезал выстрел и последний из исчезающих в пещере карликов, рухнул на землю. Когда первые казаки добежали до конца поляны, пред ними уже была все та же несокрушимая скала. Уродцы сгнули в горных недрах.

Единственный не поддавшийся всеобщей сумятице Григорий неспешным шагом пересекал богом забытую где-то посреди уральских гор поляну, ставшую ареной столь удивительных и драматических событий. Позади него осторожно семеня шаг, очевидно, не желавший подходить близко, но еще менее жаждущий оставаться наедине с самим собой у самой кромки непредсказуемо-опасного леса. Казаки расступились, пропуская грека к бледному трупу существа, так и не успевшего последовать за своими собратьями. Суеверие, впитанное с молоком матери, останавливало крестьянских детей от каких-либо действий с бездыханным созданием. Григорий излишним суеверием не страдал. Он опустился на колени и коснулся рукой того места, куда угодила смертоносная пуля Ивана Кольцо. Кровь в считанные минуты свернулась на лютom морозе, но все же это была именно кровь – красная, как солнце над Константинополем в миг его кончины. Грек перевернул труп и на казаков уставились безжизненные глаза. В них не было ничего, кроме холодного мерцания темных озер в глубинах древних пещер, из которых когда-то вышел мертвый карлик.

– Во, чудь белоглазая, – едва слышно вымолвил кто-то из стоявших позади и перекрестился.

– Раз пуля взяла, чай не демон, – резонно отметил Мещеряк. – В лагерь не понесем, больно уж несподручно. Похоронить бы чуда по-христиански.

– Пожалуй, да, – согласился Григорий. – Не верится мне, что такие крохотные да хилые создания, бросающиеся наутек при одном только нашем виде, могли навредить вооруженному отряду, который сумел добраться сюда аж из самой Варшавы.

Иван тоже присел рядом.

– Нет, здесь еще что-то. Кожей чувствую, ясновельможный пан не все рассказал. Кстати, где он?

Все завертели головами в поисках поляка. Искать пришлось недолго. Грек заметил, как тот поднял некий предмет у самого склона в том месте, где скала сошлась за спинами убегающих карликов.

– Ну, что скажешь, пан Адам? Эти товарищей твоих умертвили?

– Что ты, пан Григорий, – Адам Каминский вернулся в круг казаков. – Эти-то мирные были. Так, странные только. Мы с ними даже торговать пытались, зелья-снадобья всякие выменять, но дело не очень-то пошло. Чуды все твердили, что ничего теперь продать не могут, так как все нынче отправляется на восток и запаса никакого не остается.

– На восток? Кучуму, что ли?

– То мне точно не ведомо, но думаю, не только. Татар, по крайней мере, мы не видели, а вот другие, страшные, огромные, поросшие с ног до головы косматой свалывшейся шерстью... Они напали ночью так внезапно, что почти никто не успел отреагировать. Чудом успел я откатиться в сторону и схорониться в зарослях. Остальных членов моего отряда монстры умертвили, а потом на месте зажирили и съели. Мне же оставалось лишь лежать и дожидаться, пока они не закончат и не уйдут. Потом я блуждал по окрестностям и вышел на ваших разведчиков.

Грек вскочил на ноги в ярости.

– Ты почему сразу не рассказал, что здесь творится?

– Не серчай, милсдарь. Ты ж мне сам договорить не дал. Из шалаша выскочил да к господам казакам на совет тотчас направился.

– Уж ты вертлявый, а не человек, – Григорий слегка остыл. – Где был разбит ваш лагерь? Если ты не врешь, там наверняка остались какие-то следы.

– Клянусь Девой Марией, не вру. Зачем мне это? Лагерь не слишком далеко. Если надо, покажу.

– Обязательно покажешь. А пока давайте этого похороним.

Каменистая земля на необычной поляне, укравшейся в хвойных зарослях, промерзла настолько, что выкопать, а точнее, выковырять, с помощью сабель даже самое незначительное углубление было совершенно невозможно. Казакам пришлось натаскать груды камней, чтобы наскоро схоронить карлика. Священника в отряде не было, а потому Матвей Мещеряк прочитал «отходную», на чем процедура погребения и завершилась.

Пришло время внимательно осмотреть удивительный белый монолит посреди поляны. Все двинулись к нему. Древние легенды вновь взбудоражили умы и души средневековых людей, стоило лишь прикоснуться к камню, провести рукой по его полупрозрачным, почему-то теплым на ощупь, граням.

Григорий вглядывался в мутные глубины монолита, и что-то цепляло, что-то затягивало внутрь, словно гипнотизируя, завораживая сознание навсегда.

– Вечная жизнь. Вечная жизнь, друг мой, – поляк бесшумно вынырнул из-за спины. – Для того, кто чист душой, для того, кто достоин. А нам здесь нечего больше делать.

Его негромкий голос лился будто изнутри, сквозь потоки сознания.

– Нам пора, – повторил Адам.

Григорий оторвался от камня, словно очнувшись ото сна.

– Ладно, братцы, в лагерь ночью не так просто вернуться будет, – констатировал он. – Давайте выдвигаться.

Глава 4. Военные хитрости

В нижнем течении Тобола начали попадаться разбросанные то тут, то там редкие поселения остяков и татарские улусы. От взятого «языка» ермаковцам удалось узнать, что дальше, в устье реки, стоят юрты Карачи – главного сановника сибирского хана Кучума. Появление Адама Каминского Ермак принял неохотно и также крайне подозрительно, однако в отряде остаться позволил, посчитав, что убивать его особых причин не имелось, а отпустить на все четыре стороны было в тот момент опасным безрассудством. Да и сам трусоватый шляхтич, который таки показал Григорию останки своих спутников, попавших в лапы таинственных людоедов на роковом привале, явно не стремился в одиночку бродить по тайге. Отложив решение вопроса с поляком на более подходящее время, казаки поспешили к владениям Карачи. Особого сопротивления не последовало. Как степной вихрь набросился Иван Кольцо на улус, взял его и разорил. Богатство Карачи, которого, впрочем, лично на месте не оказалось, впечатлило даже выдавших виды казаков. Особенную радость вызвало обилие душистого и сладкого меда. Удержаться было невозможно. Его разделили и сгрузили в струги. Тем не менее задержка могла оказаться равносильной гибели. Памятуя о том, кому принадлежало захваченное поселение, Ермак со сподвижниками нисколько не сомневались, что весть о его разгроме дойдет до Кучума моментально и хан не преминет разослать гонцов в кочевья и улусы. Это грозило встречей с весьма внушительной, даже учитывая, что Алей увел часть людей на Русь, воинской силой.

Так и случилось. Выйдя из Тобола на водные просторы Иртыша, со своих стругов казаки внимательно разглядывали пылающий сотнями костров берег, как саранчой усеянный неприятелем. Над берегом возвышалась круча, на которой располагался конный отряд. Во главе его стоял Кучум из рода Шайбан-хана – пятого сына Джучи, младшего брата самого Батыя. Грозный слепой колдун медленно поворачивал из стороны в сторону лысую как череп голову, словно каким-то магическим шестым чувством оценивая численность и расположение врага. Несмотря на высокое происхождение, Кучум не был здесь своим. Почти двадцать лет назад он пришел из степей Средней Азии, сверг и убил местного хана Едигера, после чего в Сибирской земле началась кровавая междоусобица. Через семь лет Кучум разгромил свих врагов, но победа оказалась в каком-то смысле пирровой – местное население подчинилось силе, но не признало его право на господство. Особое недовольство среди поклонявшихся природе и духам предков туземцев вызывало насильно проводимая ханом исламизация.

Присутствие слепого колдуна вызвало легкий ропот среди казаков, суеверно страшившихся любого рода проявлений потусторонней силы. Григория же, с иронией относившегося ко всякого рода мистификациям, пугало нечто иное. Помимо конницы на круче находилось еще кое-что, блестящее на фоне клонящегося к горизонту солнца. Худшие опасения начинали оправдываться. Пушки, да еще и на такой выгодной позиции! Откуда? Факт, тем не менее, оставался фактом. Похлопав Ермака по плечу, грек указал рукой на расположение орудий. Лицо атамана, и так невеселое, стало чернее тучи. Выждав еще несколько мгновений, он подал знак к отступлению. Медленно, словно нехотя, флотилия пошла вверх по течению Иртыша.

Впереди лежало урочище Атик-мурзы. Сердитая река выплеснула на него казаков и залила, снося все на своем пути. Серое, словно лицо мертвеца, небо не сулило добра. По решению Ермака, отряд должен был остаться в городке на ночь – собраться с силами и спланировать наступление. Ночь, однако, не принесла ни отдыха, ни покоя. Казаки открыто роптали. Никто не хотел лезть смерти в пасть. Нужно было пересечь реку под обстрелом невесть откуда взявшихся Кучумовых пушек и столкнуться на самом берегу с превосходящей в несколько раз силой противника. А еще и конница, готовая, спустившись с кручи, зайти ермаковцам с флангов. Ситуация складывалась отчаянная.

Стемнело очень быстро. Григорий сидел у костра рядом с атаманами и думал. Неверные блики пламени то и дело выхватывали из густого мрака сосредоточенное лицо грека. Неизменный холщовый мешок лежал у него под рукой, как бы напоминая об истинной цели его путешествия. Так или иначе, путь на восток был отрезан ордой Кучума и, не решив этот вопрос, думать о продолжении похода даже не стоило. Уютное потрескивание поленьев вводило в транс. Глазами диковинного зверя костер сверлил самую душу уставшего путешественника, цепляясь незримыми когтями, обволакивая густой пеленой сизого дыма.

– Нет у нас выхода иного, – молвил Ермак. – Завтра идти в наступление надо. Господь защитит и сил придаст. Собирайте народ, атаманы. Буду речь держать.

Один за другим вставали верные соратники и направлялись к своим отрядам. Поднялся и Григорий. Собираясь двинуться за остальными, он поднял с земли мешок и замер. Грубая ткань висела, как парус в полный штиль. Содержимое котомки исчезло. Глаза грека забегали по татарскому городищу, но было слишком темно, чтобы заметить следы пропажи. Единственным человеком в данном месте, видевшим содержимое мешка, был сам Григорий. Соответственно, помощи просить было не у кого, а тем более не стоило беспокоить Ермака в преддверие речи, от которой теперь зависело очень многое, в том числе и возможность продолжения похода самим греком.

Осторожно ступая по чахлой траве и оглядывая каждый кустик, Григорий начал поиски. Отчаяние от поиска иголки в стоге сена все больше и больше охватывало его разум, когда из мрака вынырнула группа казаков, сидящих у костра.

– Э, чего маячишь как привидение? – окликнул кто-то из них.

Григорий подошел ближе.

– Братцы, а не заметил ли кто что-нибудь необычное нынче?

Мужики переглянулись и пожали плечами.

– Все здесь необычное. Шкуру спустит с нас татарва завтра поутру, да и дело с концом. А вообще, пан твой польский мимо проходил. Без башки!

Грек застыл в недоумении.

– Да, без башки, тебе говорю. Кафтан, штаны, сапоги идут, а под шапкой пусто.

– Вы, молодцы, на горячительное бы не сильно налегали. Завтра бой, все-таки.

Покрутив пальцем у виска, Григорий пошел дальше.

– Дурак один родится – всему свету беда, – сказал он сам себе. – Черте что сегодня ночью происходит.

Отойдя от костра уже на приличное расстояние, ему почудился мелкий топот, чуть слышный, будто дуновение ветерка. И опять тишина. Чертовщина и только. В бледном свете луны, у самой кромки леса виднелся поросший травой валун. Наконец грек нашел то, что искал. Правда, в который раз за эту ночь, в довольно неожиданной форме. Совершенно наплевав на все законы природы, прямо в воздухе завис бурый меховой шарик размером не больше локтя. На этом шарике отчетливо просматривались два круглых как блюдца и весьма удивленных происходящим глаза, длинный разинутый клюв, издающий резкие звуки, похожие на «у-у-у», а также два крошечных, бестолково трепыхающихся крыла и свисающие снизу туловища крепкие четырехпалые ножки с тупыми когтями.

– Ну наконец, – выдохнул Григорий и спрятал в ножны уже наполовину вытянутую саблю.

Однако существо, хоть и гоняло воздух хаотичными взмахами недокрыльев, очевидно, держалось в воздухе отнюдь не собственными силами. Протянув обе руки к диковинному шерстяному комку, грек хотел аккуратно взять его, но промахнулся и чуть не полетел носом в каменистый грунт. Удивительное продолжалось. Существо, не переставая издавать жалобные вопли, передвинулось на полметра в сторону. Еще одна попытка схватить его – результат тот же. Рука произвольно потянулась к рукояти сабли.

– Э-э, пан Григорий, ты дурака бросай валять! Это же я, Адам.

Голос шел как бы из ниоткуда, но казался невероятно близким.

– Вот, держи, – и мохнатое существо само собой оказалось в руках грека. – Так хоть руки заняты, за оружием тянуться не будешь. Ну, что стоишь, как аршин проглотил? Я это, Адам Каминский. Помнишь, на перевале я склянку подобрал, которая у карлика вывалилась? Так там мазь в той склянке оказалась. Тело натираешь и невидимым становишься.

Грек молниеносно запихнул лохматое создание обратно в мешок и снова протянул руку вперед. Перед глазами было абсолютно пусто, но вдруг пальцы уткнулись во что-то твердое.

– Но, но, глаза не выколи. Я-то пониже ростом буду.

– В хвост тебя и в гриву! Неужто пан Адам?! – Григорий начал более адекватно воспринимать ситуацию.

– А кто ж еще? Дух святой что ль? Лучше скажи, что за невиданного зверя такого с собой таскаешь? Он ведь у тебя давно уже, я заметил.

Вопрос грек технично проигнорировал. На его лице появилась такая блаженная улыбка, что в пору было бы икону писать.

– А скажи, мазь эта еще осталась?

– Да полно! Минус, правда, один есть. Она на одежде не срабатывает. Скидывать все приходится. Но это ничего. С этой мазью ни мороз не берет, ни вода ледяная. Как с гуся сходит.

Просветление, словно небесная манна, снизошло на Григория.

– Умеешь ли ты плавать, пан Адам? – проговорил он медленно, как бы выстраивая перед глазами какие-то картины.

– Чай не потону. Только не говори, что ты на тот берег собрался.

– Именно, именно на тот берег. Мы забьем пушки гвоздями, а может еще как-то напако-стим. Тогда утром можно будет переправляться, не боясь обстрела. Давай мазь. Нельзя терять ни минуты.

– Боюсь, еще минуту потерять придется, – внезапно из темноты, словно бесплотный при-зрак, выросла фигура. – По крайней мере, пока я тоже не намажусь.

Луна осветила лицо пришельца и золотую серьгу в его ухе. Это был Иван Кольцо.

– Ермак речь держать будет, а вы запропастились куда-то. Вот и пошел я на поиски. А тут, гляди, удача какая. Не зря я чуда того уложил. Эх, братцы, пощекочем нынче бусурманина!

Не более, чем через четверть часа собрался круг казаков. Все шумели, то тут, то там неслась отборная брань. Ермак же сохранял полную невозмутимость, ожидая, пока крикуны вконец охрипнут и выдохнутся. Само собой, никто и не заметил, как мимо прямо по воздуху проплыли три туго набитые котомки. Они быстро двигались в сторону реки и вскоре оконча-тельно исчезли из виду.

Лишь только гвалт поутих, атаман встал.

– Братья и единомышленники, – Ермак начал нарочито медленно и негромко, так что замолчали даже самые недовольные, – как же бежать нам, коли осень на дворе глубокая? Огля-нитесь, в реках лед смерзается!

Здесь он выдержал паузу.

– Видели вы своими глазами, что творили орды Кучума на родной нашей русской земле! Городам приносили запустение, христиан православных в рабство угоняли. Хоть все здесь зав-тра поляжем, но обратно дороги нет! Стыд и срам ждут нас, товарищи, коль побежим, хвосты поджав.

Казаки были впечатлены. Даже самые малодушные не решились говорить всупротив. Круг начал расходиться.

До рассвета оставалось несколько часов. Без одежды Григорий чувствовал себя весьма неуютно. Нет, ему отнюдь не было холодно. Чародейская мазь, как и уверял пан Адам, надежно защищала от сибирского мороза, дававшего уже о себе знать. Все необходимое пришлось

тащить с собой в мешках, взваленных на спину. Это усложняло задачу, так как котомки, в отличие от самих дерзких налетчиков, были хорошо видны.

Реку переплыли успешно, держась за коряги, найденные на берегу. Ледяная вода действительно соскальзывала с тела, не причиняя ни малейшего вреда. Лагерь неприятеля решили обойти с тыла. Пушки – главная цель предприятия – находились на холме. Где-то дальше, на неприступной возвышенности стояла ханская столица Искер. Грека слегка удивил тот факт, что Кучум принял решение держать оборону на берегу, а не в хорошо укрепленной крепости, которую можно было защищать практически бесконечно и более скромными силами. Наверняка, тому было какое-то объяснение.

С большой осторожностью троица пробиралась мимо спящих солдат. Плывущие по воздуху мешки могли в любой момент их выдать. Благо, с тыла нападения никто не ждал, потому часовые бдели не слишком уж прилежно. Совсем иначе дело обстояло у кибиток военачальников и собственно у самих артиллерийских орудий. Пушки могли попасть в Сибирь либо из Крыма, либо из Казани. Первый вариант был менее вероятен из-за чересчур великого расстояния. Ежели принять «казанскую» версию, очевидно, это произошло еще до момента взятия ее войсками Ивана Грозного. То есть, орудия должны были быть старыми.

Вообще, лагерь Кучума несколько удивлял повидавшего немало на своем веку Григория. Света звезд и разожженных татарами костров вполне хватало, чтобы разглядеть некое несоответствие в численности войска, увиденного днем на берегу со стругов и тем, что просматривалось сейчас. Отвел ли хитрый хан часть людей в город или где-то ждала засада? С этим вопросом явно стоило разобраться.

Наступил самый ответственный момент. Короткими перебежками, волоча опасные мешки по жухлой, покрытой изморосью траве, отчаянная троица практически миновала стражу у раскинутых кибиток. Но тут случилось то, что должно было случиться. Мешок пана Адама зацепился за какой-то злосчастный корень или пенек. Гвозди и другой хлам, приготовленный для обезвреживания пушек, громко звякнули. Этого оказалось вполне достаточно для того, чтобы привлечь внимание двух раскосых молодцев, карауливших один из шатров. Адам в ужасе замер. Татары заметили невесть откуда взявшуюся котомку и направились прямо к ней. Подняв мешок с земли, они начали с крайним интересом и искренним удивлением изучать содержимое и живо о чем-то переговариваться. Лавина набирала ход, и сие обстоятельство заинтересовало стражу, скучавшую у пушек. Отвернувшись от орудий в сторону лагеря, вояки что-то закричали своим собратьям, видимо интересуясь, в чем дело. Момент казался идеальным. Не сговариваясь, Григорий и Иван Кольцо бросились к пушкам. Местонахождение Адама они определить уже не могли.

Что же касается бравого поляка, он скорчился, стараясь не дышать, в нескольких метрах от злополучного места, где собиралось все больше и больше народа. События стали разворачиваться с умопомрачительной скоростью. Внезапно, один из шатров распахнулся, и на мерзлую землю ступил расшитый золотом сапог. Гвалт мигом прекратился, и татары разошлись, пропуская вперед обладателя столь роскошной обуви. Худшие опасения начали сбываться. Владыка сибирского ханства, грозный колдун Кучум, а это был именно он, медленно водил из стороны в сторону головой, раздувая ноздри, принохиваясь. Возможно, слепота обострила остальные чувства хана, а возможно, включились колдовские способности, но через мгновение он уже твердым шагом направлялся к притаившемуся поляку. Терять было уже нечего. Адам побежал.

Используя всеобщую сумятицу, Григорий с Иваном успели незаметно забить пушки и теперь думали о том, как побыстрее унести ноги. Оставлять поляка на произвол судьбы было нехорошо, но как найти его – невидимого? Проблема решилась сама собой. С отвисшей челюстью смотрели они на несущийся по лагерю светящийся мертвецким матовым светом силуэт, похожий на пришельца из других миров. Но лишь одного взгляда друг на друга хватило, чтобы понять – действие волшебной мази подходило к концу и их тела начинали выглядеть точно так

же. Стало прохладнее. Не сговариваясь, Григорий и Иван выхватили из мешков взятые с собой кинжалы и бросились на ближайших стражников. Вид крови и трупов разом с леденящими душу призрачными силуэтами, посеяли панику в суеверных умах. В лагере началась свалка. С криками о шайтане, джиннах и других столь же мерзких и опасных представителях потустороннего мира, татарские вояки бросились кто куда, сбивая с ног и затаптывая менее расторопных товарищей. Кто-то даже умудрился опрокинуть на землю самого хана, по-видимому, потерявшего знаменитую колдовскую силу, и ввиду своей слепоты, с трудом ориентировавшегося в пространстве. Правда, надо отдать должное, его сразу же подняли на ноги верные нукеры. Тем временем, наши три героя уже были на середине реки. Мазь все еще более-менее защищала от холода, но невидимость терялась, чуть ли не с каждой минутой.

Забрезжил рассвет. Ермак, озабоченный тем, что ни Иван Кольцо, ни Григорий, за которым он был отправлен, так и не появились, не надеясь на чудо, все же готовил войско к битве. Чудеса, тем не менее, только начинались. В золотых лучах рассвета, сияя, словно небесная рать, перед глазами чувствовавших себя обреченными казаков, появились три ангела. Слепая павших на колени и крестящихся ермаковцев, они чинно и абсолютно беспрепятственно прошли через всю территорию лагеря и скрылись за холмом у кромки леса.

– Братцы, это знак свыше! – воскликнул кто-то, придя в себя после оцепенения. – Ангелы господни благословляют нас на битву с окаянными! Вперед!

Воодушевленные ниспосланным знамением, развернув синее с кумачовой каймой знамя, в центре которого были вышиты фигуры стоящих друг против друга на задних лапах единорога и льва, казаки ринулись к стругам.

Никто и не заметил, как Григорий, Иван Кольцо и пан Адам, приняв свой естественный облик и облачившись в одежду, присоединились к спешившему к судам воинству. Подойдя к противоположному берегу на расстояние ружейного выстрела, весла были отложены в сторону. Струги развернули боком к позициям неприятеля. Один за другим последовали залпы. С одного борта казаки палили беспрестанно, с другого – перезаряжали пищали. Смертоносный шквал пуль не добавил организованности в рядах неприятеля. Похоже, хладнокровие сохранял лишь племянник Кучума хан Маметкул. В засеке за поваленными бревнами он со своим отрядом ждал атаки. Пушки, так пугавшие Ермака и его товарищей, молчали. Правда, высадившись на берег, казакам пришлось остановиться. Лучники Маметкула пустили тучу стрел, на мгновение скрывшую небо. Убийственным градом они упали на казаков, заставив отойти обратно к стругам. Ермак приказал стрелять из небольших орудий, имевшихся на судах, однако большого впечатления на прятавшихся за толстыми бревнами татар это не произвело. Видя нерешительное топтание казаков на берегу, Маметкул отдал приказ рубить проходы в засеке и повел в атаку свой отряд. Крепкие ногайские кони понесли вперед своих вооруженных седоков. Ничего лучшего войску Ермака и не требовалось. Враг оказался на открытом пространстве.

Казаки построились в три шеренги и открыли огонь по кавалерии, готовой втоптать их в землю. Одна за другой падали лошади и седоки. Татары стали поворачивать назад. Истошно крича и стегая нагайкой разбежавшихся кто куда воинов, Маметкул пытался собрать отряд вновь и продолжить атаку. Григорий отчетливо видел его среди хаотичных метаний деморализованной толпы. Вскинув ружье и прицелившись, он сделал выстрел. Хана бросило на землю. Выхватив сабли, казаки побежали вслед за дрогнувшим противником. Грек спешил, надеясь взять в плен раненного Маметкула, однако вокруг предводителя собрались защитники. Отчаянно сопротивляясь, они сумели пробиться к зарослям кустарника на берегу, погрузили хана в невесть откуда взявшуюся лодку и отчалили.

В считанные минуты берег опустел. Казаки принялись карабкаться на кручу, где располагалась ставка Кучума. Пушки, забитые гвоздями, не могли сделать ни одного залпа. Тогда запаниковавшие татары начали сталкивать сами орудия на головы нападавших. Подняв брызги, они плюхнулись в реку и моментально ушли под воду, не причинив никому вреда. Оказавшись

наверху, казаки не застали практически никого. Армия Кучума разбежалась, как, впрочем, исчез и сам грозный хан, так и не успев проявить ни хваленых полководческих талантов, ни устрашающей колдовской силы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.